Театръ и Искусство

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".
Съ доставк. и пересылк. на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.
Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

1898 г. II годъ изданія. **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.** ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: Сборы съ театровъ.—Результаты ходатайствъ по резолюціямъ Съѣзда.—Импер. театры въ посту.—Русскіе водевилисты. *Ю. Бѣляева.*—Драматическое образ. въ Россіи. *Ю. Озаровскаго.*—Гастроли Цаккони. *Н. Россова.* — Новыя пьесы. *Nota novus.*—Хроника театра и искусства.—Стихотвореніе *Д. Ратауза.* — Театральный папаша. *В. Тихонова.*—Заграницею. — Провинціальная лѣтопись.— Списокъ безусл. разр. пьесъ.—Объявленія.
Рисунки: „Борцы" на сц. Алекс. театра; „Тер-

№ 50.

мидоръ" *П. Ассатурова*; „Исторія одного увлеч." *А. Рости—вой*; „Евг. Онѣгинъ" на сценѣ берлинскаго театра (2 рис.); Зрит. зала „Ком. Оперы". „Colinette" на сценѣ Одеона; г. Далматовъ въ роли Сюнгали, рис. Н. Левашева; г-жа Мравина въ роли Снѣгурочки; портреты Пюньо, Леметра, Недѣлина, Массне.
Ноты: арія изъ оп. „Сафо" Массне.
Литер.-драм. отдѣлъ (только для подписч.). „Казнь", драма Г. Г. Ге.

Открыта подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО"
Цѣна за годъ **6** р.
за полгода **4** р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р. и по два руб. **1**-го марта и **1**-го іюня.

См. стр. 937.

С.-Петербургъ, 12-го декабря.

Юрисконсультъ Городской Управы, спрошенный насчетъ обложенія театральныхъ билетовъ сборомъ въ пользу города, отвѣтилъ, что онъ не видитъ къ этому препятствій. Девять десятыхъ дѣла, такимъ образомъ, сдѣлано. Самъ юрисконсультъ, одинъ изъ тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ, по выраженію римскаго права, permissum est jura condere, считаетъ это дѣло возможнымъ и легко осуществимымъ...

Мы предложили бы на разсмотрѣніе г. юрисконсульта другой вопросъ, который, быть можетъ, его еще ближе касается: почему за прописку паспортовъ актеровъ управа взимаетъ 8 руб. безъ малаго? На какомъ основаніи? Неужели актеры самые богатые обыватели Петербурга,—богаче даже юрисконсультовъ?

Безпримѣрно великъ сборъ за прописку паспортовъ актеровъ, и рѣшительно нельзя понять, на чемъ онъ основанъ. Среди актеровъ немало такихъ, которые служатъ на 25—30 руб. жалованьи, да и это жалованье не всегда они получаютъ. И съ этихъ необезпеченныхъ, кочующихъ, вѣчно нуждающихся людей взимаютъ сборъ, съ которымъ можетъ поспорить иное «промысловое обложеніе».

Это — берегъ Управа. Въ дополненіе ко всѣмъ прочимъ сборамъ и налогамъ съ театральныхъ предпріятій, не забудемъ, что петербургскія театральныя предпріятія обложены еще налогомъ на афиши, или фактически, какъ мы уже это доказывали въ нашихъ статьяхъ, монополія печатанія афишъ является, безспорно, большимъ и отяготительнымъ налогомъ. Такимъ образомъ, петербургское театральное предпріятіе уплачиваетъ: а) сборъ въ пользу учрежденій Императрицы Маріи, б) усиленный адресный сборъ, в) усиленный сборъ за нарядъ полиціи и пожарныхъ и г) налогъ за афиши.

Теперь пусть г. юрисконсультъ разсудитъ, правильно ли взимать еще съ петербургскихъ театровъ благотворительный сборъ, и не приведетъ ли, въ концѣ концовъ, вся эта сложная система налоговъ и сборовъ къ фактическому возстановленію монополіи Императорскихъ театровъ.

Намъ доставленъ докладъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества о дѣятельности коммисіи по проведенію резолюцій Съѣзда. Это очень краснорѣчивый докладъ, и ознакомившись съ его содержаніемъ, быть можетъ, многіе переложатъ гнѣвъ на милость, и не очень-то станутъ корить Совѣтъ Театральнаго Общества за медленность и безуспѣшность работъ. Резолюціи Съѣзда, въ числѣ 70, были раздѣлены на двѣ группы: въ первую входили руководящія соображенія и платоническія пожеланія Съѣзда—такъ сказать, pia desideria, которыхъ осуществленіе зависитъ скорѣе отъ самодѣятельности сценическихъ дѣятелей, нежели отъ какихъ нибудь

работъ коммисіи; вторую группу составляли резолюціи, требующія, по выраженію доклада, «мотивированныхъ ходатайствъ предъ правительственными и частными учрежденіями». Для проведенія резолюцій Съѣзда, относящихся ко второй группѣ, было предпринято Совѣтомъ слѣдующее: 1) Ходатайство о разрѣшеніи спектаклей во время Великаго поста и наканунѣ праздниковъ, возбужденное черезъ бывшаго предсѣдателя А. А. Потѣхина и члена общества Я. А. Плющевскаго-Плющика. Какъ извѣстно, ходатайство это было *удовлетворено*, въ формѣ предоставленія этого разрѣшенія на усмотрѣніе мѣстной администраціи. 2) Ходатайство предъ Министерствомъ Путей Сообщенія о льготномъ проѣздѣ артистовъ, черезъ М. Г. Савину. Ходатайство, однако, не было уважено. 3) Ходатайство въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати «о печатаніи ежегодно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» общаго алфавитнаго списка пьесъ, разрѣшенныхъ къ представленію безусловно въ теченіи года, при чемъ къ этой категоріи отнести и рукописныя пьесы». Отвѣтъ былъ полученъ отрицательный. 4) Ходатайство предъ Обществомъ драматическихъ писателей объ уменьшеніи авторскаго гонорара съ деревенскихъ спектаклей. Г. Шпажинскій обѣщалъ свое содѣйствіе. 5) Ходатайство, чтобы на общедоступные театры не распространялась спеціальная цензура народныхъ театровъ, на что было получено увѣдомленіе, что на основаніи Высочайшаго Повелѣнія 21 января 1888 г. особое одобреніе Главнаго Управленія по дѣламъ печати обязательно для драматическихъ произведеній, исполняемыхъ на сценахъ не только народныхъ театровъ, но и общедоступныхъ. 6) Ходатайство объ уменьшеніи сбора въ пользу учрежденій Императрицы Маріи, на что было получено увѣдомленіе, что сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній взимается на основаніи дѣйствующихъ правилъ взиманія сего сбора, и что никакихъ облегченій и льготъ по примѣненію сихъ правилъ не допускается. 7) Ходатайство о предоставленіи членамъ Общества іудейскаго вѣроисповѣданія временно проживать въ Москвѣ, представленное московскому Генералъ-Губернатору, не имѣло успѣха. 8) Ходатайство о томъ, чтобы мѣстныя полицейскія власти содѣйствовали артистамъ въ устройствѣ спектаклей въ селахъ и оказывали артистамъ возможную помощь. По этому пункту, ни къ чему, впрочемъ, не обязывающему, отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ были получены сочувственные отвѣты.

Такимъ образомъ, главнѣйшимъ резолюціямъ Съѣзда былъ данъ ходъ, и если не такъ скоро и успѣшно дѣло дѣлается, какъ сказка сказывается, то винить въ этомъ Театральное Общество—едва ли имѣются основанія. Отчасти медленному и не совсѣмъ успѣшному ходу ходатайствъ по резолюціямъ Съѣзда слѣдуетъ приписать ту осторожность и благоразумную осмотрительность, которыя проявилъ Совѣтъ, не возбуждая преждевременно ходатайства о второмъ Съѣздѣ сценическихъ дѣятелей. Прежде, чѣмъ собирать Съѣздъ, нужно имѣть предметы обсужденія, не тѣ pia desideria, которыя практически неосуществимы, и не тѣ ходатайства, которыя тѣмъ медленнѣе разрѣшаются, чѣмъ больше ихъ накопляется, но тѣ вопросы жизни и практики, которые можно разрѣшить собственными усиліями. Таковы—проекты корпоративнаго устройства актеровъ и нормальнаго контракта. Только когда по этимъ основаніямъ будущихъ реформъ составится достаточный матеріалъ, второй Съѣздъ получитъ смыслъ и будетъ вызванъ дѣйствительною необходимостью.

Съ положеніемъ работъ по составленію этихъ проектовъ мы познакомимъ читателей.

Въ Маріинскомъ театрѣ Великимъ постомъ будутъ продолжаться спектакли русской оперы. Рѣшено также, какъ мы слышали, продолжать спектакли постомъ и въ народныхъ театрахъ петербургскаго попечительства о народной трезвости. Все это несомнѣнно представляетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ возстановленія великопостныхъ спектаклей. Очевидно, что разъ будутъ продолжаться оперные спектакли въ Императорскихъ театрахъ, то нѣтъ причинъ не сдѣлать того же по отношенію къ драматическимъ сценамъ. Будемъ надѣяться, что къ будущему сезону вопросъ этотъ самъ собою разрѣшится. Нравственное же значеніе возобновленія спектаклей постомъ на Императорской сценѣ нельзя не признать огромнымъ. Было бы странно, еслибы, имѣя предъ собою примѣръ дирекціи Императорскихъ театровъ, мѣстныя провинціальныя власти отказывались бы въ разрѣшеніи спектаклей постомъ.

Во всякомъ случаѣ великопостные спектакли на Императорской сценѣ нанесутъ сильный ударъ дѣйствующему, но устарѣвшему закону. Для престижа самого закона, думается, необходимо отмѣнить его, создавъ новый, болѣе соотвѣтствующій духу и потребности времени.

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе авторскихъ поправокъ, печатаніе новой пьесы К. И. Фоломьева „Въ деревнѣ“ задержалось. Пьеса выйдетъ при № 1 журнала за 1899 г. Кромѣ названной пьесы, въ первыхъ же номерахъ будутъ напечатаны „Друзья“ Ровенна, „Исторія одного увлеченія“, І. Радзивилловича и мн. др.

1 выпускъ „Словаря“ будетъ приложенъ къ № 51 журнала.

Русскіе водевилисты.

(*Продолженіе*) *).

XI.

Лѣнскаго (1805—1860) его біографы почему-то относятъ къ плеядѣ, такъ называемыхъ, московскихъ литераторовъ. Самое опредѣленіе это „московскій литераторъ“, получившее права гражданства съ Пушкинскаго времени, звучитъ насмѣшкою и едва ли является „пщобреніемъ таланта“. Достаточно вспомнить имена присяжныхъ московскихъ литераторовъ: князя Шаликова, кумира московскихъ барынь, князя Долгорукова, В. Л. Пушкина и др., чтобы сразу уяснить себѣ причину полу-насмѣшливаго, полу-презрительнаго отношенія къ нимъ строгой петербургской литературы. Въ сущности, никакихъ московскихъ литераторовъ, разумѣется, и не существовало: была просто кучка одаренныхъ отъ природы баръ, понабравшихся внѣшнимъ образомъ европейскаго лоску и образо-

*) См. №№ 35, 36, 37, 38, 40, 43 45 46, и 48.

ванности, которые составляли между собой нѣчто вродѣ клуба, гдѣ говорили и спорили о литературѣ и о „матерьяхъ важныхъ“, при чемъ каждый членъ этого клуба имѣлъ за собой какой-нибудь литературный грѣшокъ, вродѣ перевода Расиновой трагедіи или игривыхъ стишковъ à la Парни. Мы имѣли подобный примѣръ барскихъ причудъ въ Хмельницкомъ. Судьба ошиблась, сдѣлавъ его кореннымъ петербуржцемъ: онъ былъ-бы добрымъ москвичемъ, гдѣ его чудачества нашли бы себѣ достойныхъ цѣнителей.

Но Ленскій... почему съ его именемъ связанъ этотъ весьма не лестный ярлыкъ? „По мѣсту рожденія и жительства“, какъ значится въ его паспортѣ? Но исторія театра мало считается съ полицейскими записями, въ вопросахъ литературной квалификаціи.

Ленскій былъ москвичъ по рожденію, но не по духу. П. А. Каратыгинъ прекрасно охарактеризовалъ его словами Гамлета о Горикѣ: „Онъ былъ весельчакъ и умница“. Весь складъ его богато одаренной натуры, вся его внѣшняя и внутренняя жизнь, переходившая отъ вина къ куплетамъ и отъ куплетовъ къ „презрѣнной прозѣ“, опредѣляется этими немногими словами. Происходя изъ простой купеческой семьи (его настоящая фамилія была Воробьевъ), Ленскій старался поскорѣе отдѣлаться отъ среды, въ которой ему суждено было расти и воспитываться. Окончивъ московскую практическую академію коммерческихъ наукъ, сумасбродный купчикъ вздумалъ постучаться въ двери театра, куда и былъ принятъ въ 1824 г. на роли водевильныхъ любовниковъ. Завѣтная его мечта сдѣлаться актеромъ, такимъ образомъ, осуществилась. Но сценическая карьера не улыбнулась Ленскому—какъ актеръ, онъ не имѣлъ никакого успѣха, хотя брался за большія отвѣтственныя роли, напримѣръ, Хлестакова. Свою извѣстность онъ получилъ, какъ водевилистъ. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, этотъ жанръ былъ въ большой модѣ. До Ленскаго, поставщикомъ водевилей въ Малый театръ, былъ молодой писатель Писаревъ, котораго, расположенный къ нему С. Т. Аксаковъ, не въ мѣру нахваливалъ и сравнивалъ съ Аристофаномъ (sic!). Этотъ Писаревъ, владѣющій весьма недурно стихомъ, не могъ, однако, похвастаться оригинальнымъ остроуміемъ, и занимался лишь пересказомъ въ рифмованной формѣ московскихъ сплетенъ, чѣмъ, впрочемъ, и снискалъ себѣ любовь согражданъ. Ему-то по справедливости и принадлежитъ званіе московскаго литератора.

Ленскій обратился къ водевильному жанру, отчасти благодаря свойствамъ своей жизнерадостной натуры, отчасти ради матеріальныхъ выгодъ. На водевили былъ спросъ, и хорошій водевиль цѣнился очень дорого. Каждый бенефиціантъ старался запастись водевильчикомъ повыигрышнѣе да позаористѣе, разсуждая словами Ленскаго, что

нынче водевили
Спектаклямъ жизнь даютъ!..

Если порой не хватало запаса натуральной веселости, Ленскій возбуждалъ ее искусственнымъ образомъ, черпая свое вдохновеніе въ бутылкѣ искристаго Аи. На свой литературный промыселъ онъ смотрѣлъ весьма прозаически: „Другъ мой,—говаривалъ онъ Каратыгину,—развѣ я чувствую въ себѣ литературное призваніе и дорожу своими бумажными чадами? Чортъ съ ними! Я самъ ихъ терпѣть не могу, а пишу чуть-чуть не изъ крайности; вѣдь, я жалованья-то получаю всего три тысячи, а прожить необходимо долженъ втрое, такъ поневолѣ будешь промышлять куплетцами!“ И онъ продавалъ свой природный даръ, прожигая жизнь самымъ безшабашнымъ образомъ.

«Борцы» на сценѣ Александринскаго театра.
(Дѣйствіе 3-е).

Но было что-то значительное въ этомъ апоѳеозѣ человѣческой слабости!.. Ленскій погибалъ не какъ всякій заурядный сорванецъ, завившій горе веревочкой, но съ достоинствомъ пилъ смертоносный напитокъ, смакуя каждый глотокъ его и все еще пытаясь порой встать на твердыя ноги. Вотъ его личное мнѣніе о призваніи водевилиста, которое онъ изъ скромности не примѣняетъ къ себѣ, быть можетъ, въ надеждѣ на лишній аплодисментъ зрителя:

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ,
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ!

Пиши куплетъ, когда дуракъ изъ грязи
Кой-какъ ничкомъ, ползкомъ пробрался въ знать,
И вдругъ забывъ родства и дружбы связи
И никого теперь не хочетъ знать!..

Пиши куплетъ, когда съ эспаньолеткой
Въ усахъ, съ хохломъ, сидитъ въ театрѣ франтъ,
И съ важностью, вертя своей лорнеткой,
Вретъ всякій вздоръ и вслухъ бранитъ талантъ.

Пиши куплетъ, когда старикъ влюбленный
Вступаетъ въ бракъ съ кокеткой молодой;
Она родитъ, а онъ, отецъ законный,
Ужъ думаетъ, что онъ отецъ родной! и т. д.

Странно звучатъ эти куплеты присяжнаго водевилиста, послѣ только что цитированныхъ словъ Ленскаго на собственный счетъ. Считалъ-ли онъ себя въ самомъ дѣлѣ полной бездарностью? Рисовался-ли самобичеваніемъ? Какъ знать? И то, и другое совмѣщается въ характерѣ русскаго человѣка. Въ припадкѣ раскаянія и нѣжности къ собрату по искусству, Ленскій могъ наговорить Каратыгину и не такихъ еще „жалкихъ“ словъ. Но, испытавъ въ достаточной степени свое самолюбіе, онъ могъ возмутиться собственной оплошности и поспѣшилъ сообщить своей литературной миссіи сатирическій оттѣнокъ. Впрочемъ, это у него заимствованное. Превосходный переводчикъ Беранже, переводившій почти дословно его народныя пѣсни, гдѣ мрачный оттѣнокъ революціонной сатиры чередуется съ безшабашной галльской разудалостью, Ленскій только приноравливалъ свое положеніе къ публицистическому задору французскаго поэта. Ленскій былъ менѣе всего сатирикомъ, а скорѣе всего добродушнымъ малымъ, который на все смотритъ сквозь пальцы, и въ задорныхъ куплетахъ не столько бичевалъ порокъ, сколько слегка щекоталъ его кончикомъ пера.

Ленскаго считаютъ лучшимъ куплетистомъ. Отчасти, это справедливо. Заимствуя содержаніе своихъ водевилей преимущественно изъ французскихъ образцовъ, Ленскій оставался вполнѣ оригинальнымъ въ области куплета. Здѣсь онъ давалъ просторъ собственной фантазіи, скрашивая порой ловкимъ куплетомъ скучную канитель. Въ куплетахъ онъ былъ, что называется, какъ рыба въ водѣ. Стихи у него текли плавно, рифмы набѣгали сами собой, а природный юморъ газировалъ этотъ неудержимый потокъ строчекъ хмѣльной искрою веселости.

Что касается до содержанія водевилей и до характерности дѣйствующихъ лицъ, то относительно ихъ можно вполнѣ согласиться съ однимъ изъ біографовъ Ленскаго, который говоритъ, что „водевили его переносили на русскую сцену персонажей, созданныхъ исключительно французскою жизнью, и, какъ ни старались русскіе авторы обрусить ихъ, какъ ни прятали ихъ происхожденіе, заставляя щеголять въ русскихъ костюмахъ и выдавая имъ фальшивые паспорта съ русскимъ прозвищемъ, все же въ водевильныхъ сидѣльцахъ, швейкахъ и московскихъ купцахъ проглядывали переряженные парижскіе комми, гризетки и рантье“. Къ этимъ словамъ остается добавить еще немного, указавъ главнымъ образомъ на ту двойственность, которая замѣчается у Ленскаго въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, и которая находится въ связи съ указанными выше особенностями его „музы“. Всѣ персонажи Ленскаго въ куплетной формѣ, говорятъ и чувствуютъ, какъ истые русскіе люди, со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами, но, едва только они входятъ въ дѣйствіе водевиля и принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ,—ихъ національная окраска мѣняется, и сразу получается впечатлѣніе какой-то „смѣси французскаго съ нижегородскимъ“. Палаша („Простушка и воспитанная“), цѣликомъ заимствованная изъ французской жизни и представляющая тамъ весьма заурядный типъ, едва только вступаетъ на русскую почву, какъ уже пріобрѣтаетъ весь внѣшній обликъ русской мѣщаночки, въ которой, пока она разсказываетъ публикѣ:

Хоть простыя мы мѣщанки,
Да въ душѣ то христіанки,
Тѣмъ мы хороши,

никто не ожидаетъ найти пошловатую французскую буржуазку, строющую рога своему супругу и покрывающую любовныя проказы своей подруги; но ея настоящее происхожденіе сразу обнаруживается при первомъ же діалогѣ.

То же самое явленіе наблюдается почти въ каждомъ водевилѣ Ленскаго, хотя самъ онъ, вѣроятно, не замѣчаетъ этого—иначе писалъ бы ихъ цѣликомъ стихами. Подыскавъ однажды соотвѣтствующій типъ изъ русской жизни, онъ уже думалъ, что дѣло сдѣлано, и что чужеземецъ вполнѣ культивировался на новой почвѣ и пріобрѣлъ національную окраску. Шашни сластолюбиваго барина съ хорошенькой нейзанкой Анютой, казались ему вполнѣ примѣнимыми къ нашимъ помѣщичьимъ нравамъ и у него быстро слагался бойкій водевиль („Барская спѣсь и Анютины глазки“), гдѣ заключительный хоръ дѣйствующихъ лицъ съ увѣренностью поетъ:

Не презрите русскихъ цвѣточковъ простыхъ
И Барскую спѣсь и Анютины глазки!..

Самымъ удачнымъ произведеніемъ Ленскаго, идущимъ на провинціальныхъ сценахъ до настоящаго времени, слѣдуетъ признать веселую комедію „Левъ Гурычъ Синичкинъ“, передѣлачную имъ изъ французскаго фарса „Le péro d'une debutante“ и рисующую нравы провинціальнаго театра. Содержаніе этой пьесы извѣстно всѣмъ, но едва ли многіе знаютъ, что въ свое время она производила впечатлѣніе злого памфлета, гдѣ подъ вымышленными именами не трудно было узнать современныхъ дѣятелей сцены. Ленскій въ первый и послѣдній разъ обратилъ здѣсь свой добродушный юморъ въ полемическое оружіе противъ своихъ враговъ. Съ этого времени многіе стали бояться его сатирическихъ стрѣлъ, и веселый водевилистъ выросъ въ глазахъ общества въ хлесткаго обличителя нравовъ.

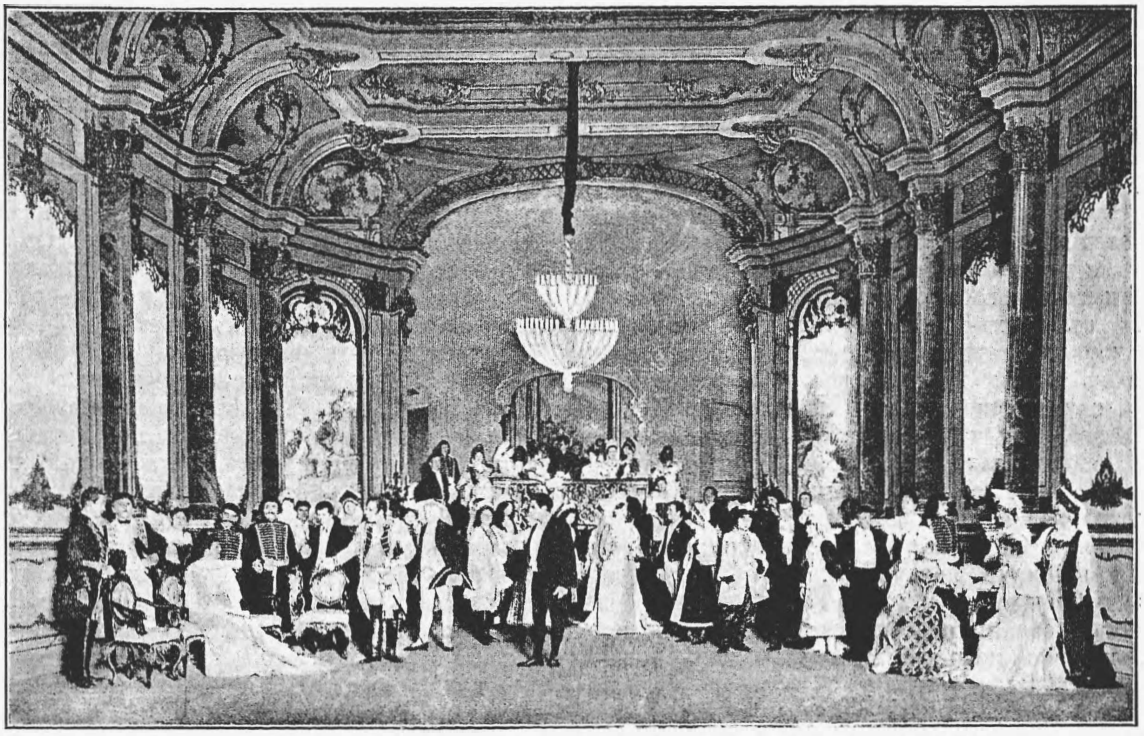
Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго. Злой недугъ, давно уже подтачивающій могучую натуру Ленскаго, давалъ о себѣ знать все чаще и чаще, повергая Ленскаго въ продолжительные припадки черной меланхоліи. Ленскій пилъ „горькую...“ Въ моменты протрезвленія, онъ брался за переводъ какого-нибудь пустячнаго водевиля, чтобы пополнить свои капиталы, и, дитя природы,—снова начиналъ пить... Въ то же время солнце его сценической славы закатывалось. День шелъ на убыль. На сценѣ тогда нераздѣльно царилъ П. А. Каратыгинъ, превосходившій Ленскаго, какъ занимательный разсказчикъ и какъ злостный сатирикъ, у котораго на всякій случай жизни было готово тонкое „крылатое“ слово и ѣдкая эпиграмма. Каратыгинъ побѣдилъ Ленскаго и количествомъ, и качествомъ своихъ водевилей. Одаренный отъ природы, быть можетъ, менѣе Ленскаго, Каратыгинъ отличался отъ него трезвостью ума и рѣдкимъ упорствомъ, столь необходимымъ во всякой дѣятельности. Поймавъ на лету задорную ноту Ленскаго, онъ только усилилъ ее на нѣсколько тоновъ, и этимъ обезпечилъ дальнѣйшее развитіе бытовой комедіи.

А въ это время въ Москвѣ умиралъ веселый водевилистъ, собственнымъ чутьемъ угадавшій назначеніе водевиля, но не сумѣвшій воспользоваться имъ вслѣдствіе своей безхарактерности и безпутства. Для потомства Ленскій является только остроумнымъ куплетистомъ, веселымъ балагуромъ, у котораго среди безпечнаго щебетанія „птицы небесной“, проскальзываетъ порой нотка отчаянія. Похороны его прошли „подъ шумокъ“. Никто особенно не плакалъ, ни отчаявался.

Умеръ „бѣдный Горикъ...“

Юрій Бѣляевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)



«Евгеній Онѣгинъ» на сценѣ театра «Des Westens» въ Берлинѣ.

Драматическое образованіе въ Россіи.

(*Продолженіе* *).

Приступаемъ къ очерку постановки въ нашихъ курсахъ драматическихъ представленій, т. е. предмета, составляющаго центръ спеціальнаго обученія. Эти упражненія имѣютъ цѣлью дать гармоническій синтезъ навыковъ и пріемовъ художественнаго свойства, которые преподаны будущему артисту изученіемъ отдѣльныхъ элементовъ драматическаго искусства. Для этого необходимо не только основательное усвоеніе прежде разсмотрѣнной нами программы учебныхъ предметовъ, но и возможно глубокое теоретическое и практическое изученіе основъ драматическаго искусства, какъ художественнаго синтеза.

Практическое изученіе его такъ или иначе, съ нѣкоторыми, какъ мы увидимъ, погрѣшностями, соблюдается программою учебнаго заведенія, но теорія драматическаго искусства, понимаемая, разумѣется, не въ смыслѣ ученія, *какъ надо играть*, а въ смыслѣ системы свѣдѣній о творчествѣ драматическаго художника, поскольку оно выяснилось въ исторіи драматическаго искусства, совершенно пренебрегается курсами.

Это тѣмъ болѣе странно, что предметъ преподаванія представляется достаточно разработаннымъ не только въ иностранной литературѣ, но также и нашей. Такъ, напримѣръ, „Лекціи драматическаго искусства“ П. Д. Боборыкина, далеко хотя не исчерпывающія сего предмета, однако, могутъ служить превосходнымъ пособіемъ при изученіи драматическаго искусства. Для новичка же, котораго непремѣнно должны мучить смутные вопросы драматическаго творчества, эти лекціи являются, можно сказать, своего рода откровеніемъ. Прибавьте къ этому работы и изслѣдованія покойнаго Юрьева, А. П. Ленскаго, Серебрякова, Васильева, и вы получите совершенно достаточный матеріалъ.

Правда, дирекція Императорскихъ театровъ, сознавая, какъ видно, указанный пробѣлъ въ программѣ курсовъ, приглашала въ иные семестры г. Боборыкина для чтенія курса теоріи драматическаго искусства, и самыя „Лекціи“ г. Боборыкина явились результатомъ его чтеній. Но чтенія эти происходили далеко не каждый учебный годъ, и слушатели далеко не всѣхъ выпусковъ имѣли возможность слышать ихъ. Вдобавокъ чтенія эти не являлись предметомъ обязательнымъ, и ученики курсовъ, не будучи принужденными сдавать какіе-либо экзамены по предмету г. Боборыкина, не видѣли необходимости особенно углубляться въ содержаніе лекцій..

Мы нисколько не скрываемъ отъ себя того соображенія, что предметъ теоріи драматическаго искусства тѣсно связанъ съ двумя другими научными дисциплинами, а именно—*эстетикой* и *психологіей*, на которыхъ онъ весь и покоится. Слѣдовательно, устанавливая въ драматическихъ курсахъ кафедру теоріи драматическаго искусства, необходимо ввести въ программу курсовъ чтеніе лекцій и по этимъ двумъ предметамъ. Что же? Будемъ стоять по отношенію къ драматической школѣ на той точкѣ зрѣнія, что это должно быть высшее учебное заведеніе съ вполнѣ законченной программой. Эстетика и психологія—предметы, которые читаются въ нашихъ университетахъ слушателямъ историко-филологическихъ факультетовъ. Признается, что для посвящающихъ себя изученію гуманитарныхъ наукъ, свѣдѣнія въ области эстетики и психологіи необходимы, ибо ими объясняются законы искусства, въ частности—литературы. Точно также и въ драматической школѣ преподаваніе эстетики и психологіи можетъ имѣть значеніе, такъ сказать, на каждомъ шагу. Мы далеко не поклонники догматическаго направленія въ искусствѣ, и никакой анализъ, по нашему глубокому убѣжденію, не избавляетъ артиста отъ воспринятія поэтическаго впечатлѣнія путемъ работы его художественной фантазіи; но разъ рѣчь идетъ объ артистической подготовкѣ, то всѣ, что изощряетъ аналитическія способности, даетъ методы и пріемы

*) См. №№ 35, 36, 37, 38, 40, 43 и 45.

спеціальнаго анализа, несомнѣнно, должно входить въ программу обученія.

Главный недостатокъ въ постановкѣ на курсахъ практическихъ упражненій по драматическому искусству заключается въ кратковременности, опять-таки, двухъ-годичнаго курса (II и III курсы) и отсутствіи въ большинствѣ классовъ системы и стройности занятій. Положимъ, иные преподаватели, не придающіе значенія декламаціонной подготовкѣ учащихся, съ I-го курса приступаютъ къ упражненіямъ на сценѣ и двухъ-годичный срокъ обученія практикѣ драматическаго искусства обращаютъ такимъ образомъ въ трехъ-годичный. Но ненормальность такого порядка вещей очевидна, да наконецъ и трехъ лѣтъ также недостаточно для усвоенія на практикѣ началъ сценическаго исполненія. Нельзя упускать изъ виду того факта, что всякимъ новичкомъ въ драматическомъ искусствѣ (да и однимъ-ли новичкомъ?) больше всего времени и усилій тратится не на непосредственное изученіе и обработку данной роли, а на борьбу съ тѣми личными свойствами и пріемами исполненія, которые въ силу физическихъ средствъ, условій воспитанія, особенностей характера и пр. являются, по мнѣнію исполнителя, главной помѣхой къ надлежащему воплощенію роли. Прежде чѣмъ требовать отъ ученика болѣе или менѣе цѣльнаго исполненія, школа, понятное дѣло, устремляетъ всѣ свои средства на то, чтобы привести тотъ сценическій матеріалъ, какой представляетъ собой данный составъ школы, въ надлежащій видъ. Необходимо сначала, что называется, „обломать“ этотъ матеріалъ. Всѣ, кто знакомы съ процессомъ „обламыванія“, хорошо знаютъ, какъ много времени и труда уходитъ на него. Отсутствіе прочныхъ и, главное, живыхъ свѣдѣній въ области литературы и искусства вообще, полное невѣдѣніе по части основныхъ пріемовъ художественнаго чтенія, совершенно не выработанная рѣчь, слабый голосъ, чахлая грудь, неизящныя манеры—все это нуждается во многихъ годахъ „обламыванія“. Къ тому необходимо прибавить полное неумѣніе нашаго юношества твердо и рѣшительно приняться за дѣло и вообще какую-то ужасную въ дѣлѣ преподаванія драматическаго искусства робость и нерѣшительность; то и дѣло слышишь на заявленія и предложенія наставника: „да я не знаю... да я не умѣю... да у меня не выходитъ!..“

И при всякихъ другихъ условіяхъ преподаваніе драматическаго искусства должно обнимать собой по крайней мѣрѣ пяти-лѣтній курсъ, а пока наша средняя школа, поставляющая матеріалъ школѣ драматической, не выработается въ школу живого и достаточно эстетическаго воспитанія,—о сокращеніи этого срока и мечтать нельзя.

Особенно рѣзко выступаютъ недочеты трехлѣтняго пребыванія драматическаго артиста въ школѣ, если сравнить дебютные спектакли обоихъ отдѣленій учениковъ драматическаго и балетнаго отдѣленія. Несмотря на совсѣмъ юношескій, чтобы не сказать—отроческій, возрастъ балетныхъ артистовъ, всѣ артистическія преимущества на ихъ сторонѣ. Ихъ исполненію присущи обыкновенно: большая или меньшая законченность техники, рѣшительность сценическихъ намѣреній, самостоятельно проводимый планъ, какъ и самостоятельность артистическаго замысла, не говоря уже объ извѣстномъ сценическомъ опытѣ и апломбѣ, отсутствіемъ которыхъ такъ страдаютъ даже талантливые выпущенники курсовъ... Въ чемъ-же дѣло? Откуда это превосходство юныхъ надъ зрѣлыми, слабыхъ надъ сильными (въ смыслѣ дарованія оба отдѣленія мы ставимъ въ равныя условія)? Причина только въ томъ, что балетный курсъ не менѣе, какъ пятигодичный (одна обще-учебная программа, равная 5-ти классамъ, беретъ пять лѣтъ), тогда какъ въ драматическомъ отдѣленіи курсъ всего лишь трехъ-годичный. Сами учащіеся хорошо сознаютъ недостаточность пребыванія своего на курсахъ. Въ наше время, напримѣръ, чуть не всѣ выпускные изыскивали мѣры, какъ-бы еще остаться въ школѣ на годъ, если не на два. Оно и понятно. Первый курсъ ушелъ на декламацію (имѣемъ въ виду классъ В. Н.

«Евгеній Онѣгинъ» на сценѣ театра «Des Westens» въ Берлинѣ.

Давыдова); весь II-й,—посвящаемый обыкновенно почтеннымъ профессоромъ водевилю, справедливо почитаемымъ имъ за самую подходящую школу для артиста-новичка,—уходитъ на „обламываніе"; на III-мъ—еле успѣли дать 3—6 полныхъ, цѣльныхъ спектакля, еле учащіеся привыкли къ своему руководителю и перестали въ его присутствіи уходить какъ-то въ себя, ежиться,—какъ уже объявляется, что съ Рождества необходимо заняться выпускными спектаклями. Спокойныя, дѣльныя занятія летятъ кувыркомъ и начинается экзаменная горячка...

Безсистемность драматическихъ упражненій заключается въ отсутствіи постепенности въ общемъ характерѣ занятій и, что болѣе всего прискорбно, въ совершенномъ отсутствіи въ большинствѣ случаевъ опредѣленнаго метода.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ руководителей артистической молодежи только В. Н. Давыдовъ держится опредѣленнаго плана въ ходѣ практическихъ упражненій. Начинаются они съ прохожденія водевиля (въ обширномъ значеніи этого слова: шутокъ, одноактныхъ комедіекъ и фарсовъ, „пѣвучихъ" водевилей и пр.), не требующаго отъ исполнителей особой отдѣлки ролей, съ пріемами которой юные артисты еще не успѣли ознакомиться, зато дающаго полный просторъ художественной фантазіи исполнителей, прекрасно вырабатывающаго легкость и непринужденность тона, быстроту и грацію сценическихъ движеній. Вдобавокъ, при незначительной сравнительно затратѣ времени на прохожденіе водевиля, является полная возможность быстро переходить отъ одного спектакля къ другому, что, разумѣется, выгодно отзывается на техникѣ дѣла. Послѣ водевиля классъ г. Давыдова переходитъ (къ концу II-го курса) къ исполненію 2-хъ и 3-хъ-актныхъ комедій, драматическихъ этюдовъ, драмъ. III-й курсъ посвящается обыкновенно уже болѣе сложнымъ, компактнымъ драматическимъ формамъ. Нужно при этомъ замѣтить, что г. Давыдовъ, если только данный классъ сколько-нибудь великъ, никогда не ставитъ отрывковъ изъ пьесъ, какъ-бы иной изъ нихъ и не представлялся заманчивымъ. Цѣльность текста является въ глазахъ г. Давыдова требованіемъ, обязательнымъ для ученическаго спектакля. Съ этимъ нельзя не согласиться. Условія, окружающія ученическій спектакль, должны возможно ближе подходить къ условіямъ заправскаго спектакля; ученики въ силу неопытности еще менѣе актеровъ способны справиться съ ампутированной пьесой; молодой актеръ долженъ показать себя не только въ эффектныхъ моментахъ пьесы, но и въ теченіи всего ея хода; трудные моменты исполненія требуютъ постепеннаго проникновенія въ роль, здѣсь необходимъ своего рода „разбѣгъ". Таковы мотивы, которыми въ этомъ случаѣ руководствуется почтенный профессоръ.

Отсутствіе метода въ преподаваніи драматическаго искусства въ нашихъ драматическихъ курсахъ объясняется, по нашему мнѣнію, новизною самого дѣла. Наши профессора драматическаго искусства, безспорно, прекрасные артисты. Но быть хорошимъ артистомъ еще не значитъ быть такимъ-же преподавателемъ. Если всякій педагогическій трудъ требуетъ отъ того, кто за него берется, помимо знанія предмета, чуткости и своего рода воспитательной прозорливости, то трудъ преподавателя-артиста требуетъ этихъ свойствъ въ высшей мѣрѣ. Мы вовсе не раздѣляемъ того крайняго взгляда, что преподаватель драматическаго искусства не долженъ быть выдающимся артистомъ, такъ какъ при этомъ условіи силою своего таланта онъ подавляетъ исполненіе ученика. Напротивъ, чѣмъ талантливѣе руководитель, тѣмъ лучше. Разъ мы примемъ взглядъ, что преподаватель драматическаго искусства долженъ быть артистомъ,—а противъ этого едва-ли можно возражать—то, разумѣется, чѣмъ выше артистъ-преподаватель по своимъ артистическимъ признакамъ, тѣмъ больше отъ этого выиграетъ дѣло. Мы хотимъ лишь сказать, что быть только хорошимъ артистомъ—здѣсь мало. Задача преподавателя должна сводиться къ разработкѣ отдѣльныхъ дарованій безъ всякаго посягновенія, однако, на ихъ самобытность и оригинальность. Вся суть, вся прелесть сценическаго исполненія въ наблюденіи того психологическаго явленія, которое заключается въ отраженіи элементовъ драматическаго произведенія въ художественномъ „я" каждаго исполнителя. Чѣмъ, слѣдовательно, ярче, рельефнѣе, индивидуальнѣе это „я", тѣмъ глубже воздѣйствіе исполненія на зрителя. И вотъ, для умѣлаго, т. е. вѣрнаго, осторожнаго и плодотворнаго раскрытія даннаго „я" и необходимы лицу, берущему на себя нелегкую задачу руководительства артистической молодежи, тѣ педагогическіе признаки, о которыхъ мы упомянули выше.

Въ этомъ отношеніи призваніе артиста-педагога можно сравнить лишь съ дѣятельностью режиссера, для котораго тонкое знаніе художественнаго „я" артистовъ труппы—половина всего дѣла. Разумѣется, режиссеръ имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ опредѣленно, если не вполнѣ уже выразившимися артистическими „я", и въ виду этого различія конечныя цѣли, преслѣдуемыя режиссеромъ и преподавателемъ, быть можетъ и противоположныя: одинъ съ помощью опредѣленныхъ творческихъ началъ раскрываетъ драматическое произведеніе, другой съ помощью этого произведенія раскрываетъ самыя творческія начала.

Между тѣмъ, большинство нашихъ преподавателей драматическаго искусства—это въ большей или меньшей мѣрѣ талантливые, умѣлые режиссеры. Происходитъ это оттого, что они только въ большей или меньшей мѣрѣ талантливые, умѣлые артисты, и въ весьма малой мѣрѣ такіе же педагоги.

Мы не считаемъ себя достаточно подготовленными, чтобы взять на себя смѣлость указать здѣсь детальныя особенности метода. Мы констатируемъ лишь отсутствіе опредѣленнаго метода. Способы-же проведенія его въ жизнь, въ практику дѣла не могутъ входить въ программу настоящихъ очерковъ, хотя едва ли ошибемся, если скажемъ, что *совмѣстное изученіе драматическаго произведенія учителемъ съ учениками* есть наилучшій методологическій пріемъ. Дѣйствительно, при этомъ способѣ, не только учащіеся научаются отъ своего руководителя отдѣльнымъ пріемамъ изученія роли, въ смыслѣ приспособленія творческихъ данныхъ и воплощенію драматическаго произведенія, но и самъ руководитель, близко наблюдая классъ, получаетъ возможность ознакомиться съ художественнымъ укладомъ каждаго изъ своихъ учениковъ.

Не говоря уже о томъ, что такое изученіе драматическаго произведенія наилучшимъ образомъ подготовитъ будущаго артиста къ процессу репетицій, которыя по блестящему опредѣленію безсмертнаго Гоголя должны носить характеръ именно общаго по отношенію къ всѣмъ исполнителямъ взаимообученія *).

Самый ходъ указаннаго изученія драматическаго произведенія представляется намъ въ слѣдующихъ чертахъ:

*) «О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности»—письмо къ гр. А. И. Т—му изъ «Переписки съ друзьями».

1) Чтеніе пьесы преподавателемъ.

2) Литературный разборъ ея преподавателемъ-же (въ присутствіи и при участіи профессора исторіи литературы) внѣ класса.

3) Изученіе пьесы учащимися самостоятельно.

4) Опросъ учителемъ класса относительно пониманія пьесы и ролей каждымъ изъ исполнителей.

5) Чтеніе пьесы по ролямъ при участіи всѣхъ исполнителей (подыскиваніе при этомъ тона пьесы и роли).

6) Разборъ чтенія пьесы какъ исполнителями, такъ и руководителемъ.

7) Дальнѣйшее усовершенствованіе тона путемъ считокъ (въ присутствіи преподавателя декламаціи).

8) Опредѣленіе учителемъ при содѣйствіи учащихся mise en scène для пьесы.

9) Репетиціи на сценѣ (въ присутствіи преподавателя мимики и пластики).

10) Разборъ репетицій.

11) Обсужденіе грима и костюма (въ присутствіи преподавателей-спеціалистовъ).

12) Репетиціи въ гримѣ, костюмѣ и при полной обстановкѣ.

13) Спектакль.

14) Разборъ спектакля (въ присутствіи всего наличнаго состава преподавателей-спеціалистовъ).

Юр. Озаровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гастроли г. Цаккони *).

Идеализація—необходимѣйшій элементъ творчества. Идеализація, значитъ—улучшеніе правды дѣйствительности. Сама по себѣ правда не есть еще искусство. Правда становится искусствомъ съ того момента, какъ она просвѣтлена и очищена идеалистическимъ воззрѣніемъ. Идеализація касается всего *одинаково*: пороковъ и доблестей, дурного и хорошаго, трагическаго и комическаго.

А. К—ель.

Какъ актеръ, изучавшій много лѣтъ классическій репертуаръ трагическаго характера, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о г. Цаккони, который большинствомъ петербургской прессы признанъ чуть не равнымъ Росси и недосягаемому старику Сальвини.

Смотря на игру г. Цаккони, можно подумать, что никакого сценическаго искусства нѣтъ, что актеромъ, при нѣкоторой наблюдательности, искренности и даже при очень неважномъ образованіи, можетъ быть всякій; такъ томительно, такъ сиротливо его исполненіе всего того, что отличается гармоніей, творческимъ полетомъ мысли и рѣзко обозначеннымъ стилемъ.

Большимъ соблазномъ г. Цаккони долженъ быть для любителей-актеровъ. Г. Цаккони, не смотря на всю его техническую виртуозность и, пожалуй, темпераментъ, не чуждъ весьма многихъ, столь непріятныхъ въ профессіональномъ актерѣ, любительскихъ чертъ: та-же безличная, преувеличенная развязность на сценѣ, *сознательное* подчеркиваніе эффектныхъ или „чувствительныхъ“ мѣстъ роли, короткіе, мѣщанскіе и, если можно такъ сказать, крикливые жесты, полнѣйшая неспособность проникнуться поэзіей изображаемаго—словомъ, всѣ атрибуты такъ называемаго „опытнаго“, много игравшаго любителя.

Я не стану касаться того, какъ г. Цаккони исполняетъ Шекспира, это очень бы удлинило мою замѣтку, да и вопросъ о томъ, какъ нужно играть Шекспира, требуетъ особой, большой статьи, да и врядъ-ли можно опредѣленно и ясно высказаться по этому предмету: міровыя созданія поэзіи требуютъ спеціально родившихся для нея сценическихъ олицетворителей, и никакія художественныя академіи въ мірѣ не дадутъ и понятія о тайнѣ воплощенія этихъ созданій на сценѣ.

Итакъ, я обойду молчаніемъ игру г. Цаккони въ созданіяхъ художественнаго творчества. Отмѣчу только, какъ онъ играетъ Дюма въ лицѣ „Кина“.—Кинъ настолько благодарная и „не мудрая“ роль, что рѣдкій актеръ, изъ плохихъ даже, не имѣетъ въ ней успѣха. Что же дѣлаетъ г. Цаккони изъ такой эффектной роли? какъ онъ справляется съ этимъ львомъ Дьюрлинскаго театра, съ этимъ другомъ принца Уэльскаго, съ этимъ аристократомъ съ ногъ до головы, не смотря на его очень скромное происхожденіе?

Начать съ того, что г. Цаккони съ перваго же своего появленія въ этой роли уничтожаетъ въ Кинѣ прежде всего артиста, кумира Лондона, играющаго королей да принцевъ.

Г. Цаккони съ перваго и до послѣдняго акта смотрѣлъ... ну, право, приказчикомъ изъ мебельнаго магазина, старающимся во что-бы то ни стало пріобрѣсти аристократическія манеры и въ то-же время, по причинѣ тяжелаго прошлаго, невольно, до униженія теряющагося при разговорѣ съ прирожденнымъ аристократомъ. И это Кинъ? гордая, капризная, воспламеняющаяся какъ порохъ натура, страшно избалованная успѣхомъ среди свѣтскихъ и знатныхъ женщинъ?

Г. Цаккони упустилъ изъ виду глубоко-психологическую черту, что истинный артистъ есть въ то-же время истинный аристократъ, независимо отъ того, какъ и гдѣ онъ воспитывался, сынъ ли онъ графа или крестьянина. Даже, съ внѣшней стороны, аристократизмъ истиннаго артиста выражается полнѣе, гармоничнѣе, изящнѣе аристократизма по происхожденію, такъ какъ всѣ его чувства и внѣшнія проявленія изощрены до-нельзя тѣмъ матеріаломъ высшихъ образовъ поэзіи, какой ему приходится олицетворять на сценѣ. Напр., нашъ извѣстный покойный артистъ Самаринъ былъ сынъ крѣпостного, а игралъ, по свидѣтельству современниковъ такъ превосходно аристократовъ, что служилъ идеаломъ изящества, благородства по виду,

Комедія Дюма „Кинъ“ въ чисто литературномъ отношеніи едва ли представляетъ большой интересъ, но въ ней есть одна сцена, дающая право на большое вниманіе. Это сцена, когда въ лицѣ Кина, подавляющаго презрѣніемъ лорда Мевилл, Дюма уничтожаетъ сословный предразсудокъ. Эту особенность, кстати замѣтить, необычайно хорошо оттѣнялъ такъ трагически погибшій, незамѣнимый артистъ Митрофанъ Трофимовичъ Ивановъ-Козельскій,—несравненный Кинъ среди русскихъ и иностранныхъ артистовъ.

Г. Цаккони не понялъ или не захотѣлъ понять этой особенности и потому отъ его исполненія Кина, въ сценѣ въ тавернѣ съ лордомъ Мевилемъ, впечатлѣніе получилось такое, что не блестящій артистъ Кинъ возмущается до глубины души мѣщанской спѣсью лорда Мевилл и преподаетъ ему краснорѣчивый урокъ настоящаго благородства,—а просто какой-то незначительный матросикъ, грубыми, мелкими движеніями, будничной, отрывистой рѣчью, долготерпѣливо сносившій жестокость и пренебреженіе своего ближайшаго начальства, вдругъ не выдержалъ и угловато, плебейски, съ злобою забитаго раба, сразу, неловко выпалилъ все, что у него накопилось, кипѣло въ сердцѣ отъ долго таимой обиды.

Артистъ, даже въ самомъ жгучемъ страданіи всегда не много рисуется, заботится объ округленности своихъ жестовъ, о музыкѣ голоса, рисуется не потому, чтобы онъ хотѣлъ рисоваться, а невольно, потому что такова его индивидуальность, онъ рабъ своей натуры, часто вопреки уму и сердцу, такъ какъ, если прослѣдить исторію всѣхъ выдающихся людей, то только властная своевольная натура способна воспринимать самыя разнородныя впечатлѣнія даннаго предмета и сливаться съ ними совершенно—тѣлесно и душевно.

Тѣмъ не менѣе г. Цаккони имѣлъ большой успѣхъ и

*) О г. Цаккони у насъ говорилось, быть можетъ, слишкомъ много. Тѣмъ не менѣе, статья г. Россова, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даетъ такой мѣткій и вѣрный анализъ игры г. Цаккони, что читатели едва ли на насъ посѣтуютъ за это «послѣднее сказаніе». Кстати, на-дняхъ въ «Новостяхъ» статью о «великомъ трагикѣ» напечаталъ г. Стасовъ. «Пронзительная правда», «бесѣда на горѣ съ Шекспиромъ» и многое другое, столь же фразистое, сколь и безсодержательное, знаменуетъ статью маститаго критика. Г. Россовъ бесѣдуетъ хотя не на «горѣ», но довольно основательно. *Прим. Ред.*

у петербуургской публики. Въ чемъ секретъ этого успѣха? Скажу что половину, прежде всего и больше всего—въ искренности,

Изученіе г. Цаккони ролей мнѣ представляется такъ: беретъ г. Цаккони такую-то роль, ставитъ себя на мѣсто лица этой роли и думаетъ, какъ онъ, Цаккони, поступилъ бы въ данномъ случаѣ. Отсюда, при извѣстномъ взвинчиваніи, искренность исполненія. Но при этомъ г. Цаккони, повидимому, ни сколько не заботится о томъ, какую именно онъ взялъ роль, что отъ него требуетъ эта роль, подходитъ ли она къ его внѣшнимъ и внутреннимъ даннымъ, можетъ ли онъ дать ей вѣрное освѣщеніе, согласное съ временемъ, бытомъ, характерными особенностями образа данной роли, ея общественнымъ положеніемъ? До всего этого, кажется, г. Цаккони нѣтъ никакого дѣла.

Онъ имѣетъ въ виду одно: играть какъ можно проще обыденнѣе, какъ можно ближе къ текущей дѣйствительной жизни и затрогивать только самыя примитивныя, самыя несложныя ощущенія человѣческой души, и то, что очевидно требуетъ полета фантазіи, мощнаго обобщенія высшихъ духовныхъ силъ человѣка, онъ удивительно хладнокровно, такъ сказать, *рьяжетъ* на ничего незначущія прямолинейныя частности. Всѣмъ знакомы ощущенія гнѣва, радости, гордости, мучительной работы мысли, всѣ способны наслаждаться природой, всѣ знаютъ, что рано или поздно умрутъ и что смерть вещь непріятная при какихъ бы то ни было условіяхъ, но далеко не всѣ умѣютъ показать внутренній смыслъ всего этого, показать въ идеалѣ то или другое духовное явленіе, а не частности ихъ, показать для того-чтобы въ яркомъ живописномъ изображеніи внутренняго міра человѣка легче понять то, что мы не видимъ въ обыкновенной жизни, но что смутно чувствуемъ, только выражать этого не можемъ и если находимъ того, кто бы могъ помочь намъ это смутно чувствуемое выразить, то естественно совершенствуемся, просвѣтляемся сами.

Вотъ этого-то внутренняго просвѣтляющаго смысла, вѣрнѣйшаго признака творческаго таланта—и нѣтъ въ игрѣ г. Цаккони. Повторяю, онъ даетъ только частности такъ называемой правды, дѣйствительности, но высшую правду, которая есть вмѣстѣ и высшая красота, онъ не понимаетъ или не хочетъ понять.

Печально это историческое предпочтеніе иностранцевъ со стороны большинства русскихъ.

Правда, если „у насъ“ встрѣчается очень крупное дарованіе, то вначалѣ, когда мы невольно захвачены, потрясены, такъ сказать, откровеніемъ таланта—восторгу нашему, не бываетъ границъ,

Но вотъ восторгъ протелъ и чародѣй сразу какъ-то потускнѣлъ въ нашихъ глазахъ. Мы даже какъ бы стыдимся нашего недавняго увлеченія, словно думая про себя: „а вѣдь чародѣй-то изъ одной съ нами деревни, такъ какъ же онъ можетъ быть лучше насъ?“

Самый краснорѣчивый примѣръ и недавній, это—опять повторю,—судьба Митрофана Трофимовича Иванова-Козельскаго. Это ли не былъ безподобнѣйшій артистъ по части правды изображенія забитыхъ людей (правды, за которую такъ превозносятъ г. Цаккони)? И что же, былъ ли Козельскій оцѣненъ такъ, какъ требовалъ его громадный талантъ? Писали ли о немъ въ Петербургѣ или Москвѣ то, что пишутъ теперь о г. Цаккони? А вѣдь Козельскій былъ кумиромъ почти всей Россіи, ему обязано цѣлое поколѣніе своимъ духовнымъ воспитаніемъ. И за все это Козельскаго кололи всю жизнь его прошлымъ—помилуйте, писарь смѣетъ играть Гамлета!—О, если Козельскій, по мнѣнію „нѣкихъ“ былъ писаремъ въ Гамлетѣ, то, Боже мой, пусть скажутъ чистосердечно—чѣмъ же былъ Цаккони въ Гамлетѣ съ грубымъ, сухимъ голосомъ и будничными жестами? Да, наконецъ, сейчасъ, у насъ, здѣсь, въ Петербургѣ, есть молодой артистъ, который по дарованію, по художественному реализму, по этому рѣдкому, трудному умѣнью показать въ самой несложной и почти ограниченной натурѣ святое святыхъ его души, не ниже иныхъ заѣзжихъ гастролеровъ; я говорю о г. Орленевѣ. Дарованіе этого молодого артиста—воплощенная жизнь, но жизнь художественная, способная воспринимать въ себя черты совершенно ей чуждыя и перерабатывать въ своей индивидуальности.

И вотъ, бенефисъ Цаккони былъ его тріумфомъ, а бенефисъ г. Орленева, прошелъ какъ самый обыкновенный спектакль...

„Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?“

Н. Россовъ.

Рауль Пюньо.

Новыя пьесы.

„Термидоръ“.

„Термидоръ“, собственно, для Петербурга пьесадалеко не новая. Я видѣлъ ее въ пріѣздъ Коклена, затѣмъ на Александринской сценѣ, гдѣ она прошла разъ или два, правда, „въ старой“ или быть можетъ въ новой редакціи. „Термидоръ“ въ Парижѣ имѣлъ такъ называемый succès du scandal и повлекъ два министерскихъ кризиса, четырнадцать дуэлей и семнадцать недѣль самой жестокой полемики. Но для насъ, это штука далекая, странная и едва ли интересная.

Въ общемъ, это обыкновенная пьеса Сарду, ничтожная по художественному захвату, плоская по манерѣ, лишенная образовъ, характеровъ и даже настоящаго сценическаго движенія. Для нашей публики пьеса тѣмъ утомительнѣе, что даже слова „Термидоръ“ она не понимаетъ и будетъ, вѣроятно, крайне изумлена, если ей объяснить, что Термидоръ это не птица, не родъ томата и даже не генералъ французской службы, а названіе мѣсяца по революціонному календарю. Какъ же, были такіе странные мѣсяцы, и даже мѣсяцъ „Плювіозъ“ былъ—по русски „Слякотинъ“.

Сарду мнѣ всегда казался родившимся въ сорочкѣ. Изъ всѣхъ знаменитыхъ французскихъ драматическихъ авторовъ новѣйшаго репертуара онъ самый мелкій и ничтожный: у него нѣтъ ни смѣлости и философской дерзости Дюма, ни чудеснаго смѣха Лабиша, ни грубаго и сильнаго таланта Ожье. Это не fin lettré, какъ Фелье, не тонкій наблюдатель, вродѣ Мельяка. Въ пьесахъ Сарду, правда, имѣются эффекты, но не эффекты творчества или даже мастерства, а только эффекты благодарнаго сюжета.

Таковъ въ особенности „Термидоръ“. Эта пресловутая драма даже не сценична, а только обставлена сценически. Большею частью въ ней все разсказывается. Разсказывается, какъ молодой республиканецъ Гюгонъ спасъ сиротку-аристократку, самъ отправился на войну, а сиротка даетъ обѣтъ поступить въ монастырь.

Собственно же на сценѣ происходитъ слѣдующее: молодой республиканецъ Гюгонъ и другъ его, бывшій актеръ Лабюсьеръ, служащій въ комитетѣ общественнаго спасенія, стараются спасти Фабіану Лекуте, которой угрожаетъ смертная казнь. Свой обѣтъ она уже забыла и готова бѣжать съ женихомъ, но попадаетъ въ Консьержери, откуда одна дорога—на гильотину. Лабюсьеръ, послѣ долгой борьбы рѣшается подсунуть въ обложку дѣла бумаги другой Лекуте, но приходитъ вѣсть о паденіи Ребеспьера, и эту предосторожность находятъ излишнею. А между тѣмъ правосудіе идетъ своимъ чередомъ. Мы на тюремномъ дворѣ: сейчасъ будетъ перекличка отправляемыхъ на казнь. Народъ, преимущественно женщины, съ кровожаднымъ видомъ ожидаютъ процессіи и громкими криками выражаютъ свое нетерпѣніе. Одно средство спасти Фабіану, это—

подать заявленіе о томъ, что она беременна. Произойдетъ отсрочка, а тамъ какъ знать, что будетъ? Режимъ Робеспьера рухнулъ, и колеса гильотины движутся только по инерціи... Не безъ труда добывъ разрѣшеніе (это тоже происходитъ за кулисами), Лабюсьеръ предлагаетъ Фабіанѣ подписать заявленіе. Но она ни за что не соглашается на это, она, монахиня, подпишетъ собственною рукою свой позоръ! Никогда! И она уходитъ съ остальными осужденными. Ея возлюбленный, Марсіаль Гюгонъ, мечется по двору, взываетъ къ небу, громитъ злодѣевъ. Но пора кончить. Рослый жандармъ стрѣляетъ въ него изъ пистолета, и актеръ, искусно вымазавъ клюквою лицо, падаетъ на землю. Я думаю, что весь трагизмъ этого дѣйствія относится къ истинной драмѣ такъ же, какъ клюквенный морсъ къ алой крови. Это тягостно, ужасно, это давитъ мозгъ и сердце, но это нисколько не трогаетъ. Надо, можетъ быть, родиться въ Монмартрѣ, чтобы постичь, какъ слѣдуетъ, всю прелесть монахини, подписывающей заявленіе о беременности. Это изъ излюбленныхъ антитезъ Гюго: лакей, но любовникъ королевы, но подъ ногами у него трупъ Франциска I, арлекинъ, но первый пэръ Англіи. У Гюго это влагается въ могучія строфы; у Сарду это сухо, какъ примѣръ изъ ариѳметическаго задачника.

Такова фабула „Термидора“, какъ эта пьеса шла въ Петербургѣ. Въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка ее поставили по иному, и тутъ она, въ новой развязкѣ потеряла окончательно всякій смыслъ, и превратилась въ балаганную, пошлую феерію. Драма заканчивается слѣдующимъ образомъ. Фабіана уходитъ съ осужденными. Но Гюгонъ съ Лабюсьеромъ и толпою прачекъ отправляются отбивать осужденныхъ. Сцена представляетъ парижскую улицу. Прачки и кавалеры нападаютъ на конвой и освобождаютъ несчастныхъ. Въ это время раздается ударъ грома и начинаетъ падать дождь. Дѣйствующія лица раскрываютъ зонтики и нѣсколько мгновеній стоятъ такимъ образомъ, съ глупыми улыбками, стряхивая крупныя капли дождевой воды. Я видѣлъ однажды такую штуку въ „Обозрѣніи“ покойнаго Уколова. Ну, тамъ это было ничего... Но тутъ, но здѣсь, но для исторической драмы, но для характеристики террора, для развязки страстей, для состраданія—дождь? Будемъ думать, что дождь былъ поставленъ, вмѣсто водевиля... А эпиграфомъ ко всей пьесѣ приведемъ начало малорусской пѣсенки.

И шумить, и гуде,
Дрібенъ дождикъ иде...

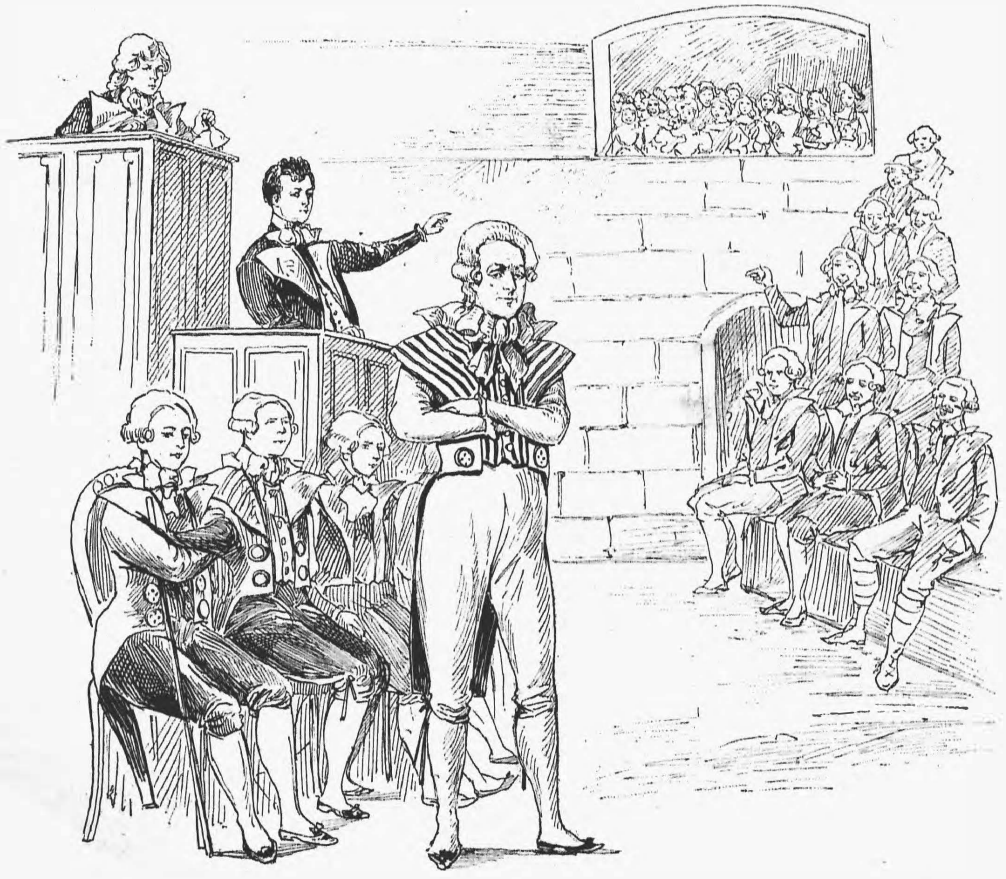
„Термидоръ“ былъ поставленъ въ бенефисъ г. Бравича. Артистъ едва ли выдвинулъ роль на должную высоту. Во всякомъ случаѣ комическій элементъ роли и разсказы Лабюсьера слѣдуетъ больше оживить. Г. Тинскій былъ, надо думать, не въ духѣ, и Гюгонъ вышелъ у него, можетъ быть, и республиканцемъ, но далеко не пылкимъ. Роль Фабіаны поручена г-жѣ Домашевой, только по странному недоразумѣнію. Пожалѣемъ талантливую ingénue comique, которой пришлось играть почти трагическую роль. Еще пожалѣемъ публику, которой приходится смотрѣть въ отвѣтственной роли г-жу Муравьеву, соединяющую любительскую развязность съ совершеннымъ отсутствіемъ художественнаго тона, вкуса и чутья. Почему эту роль не играла талантливая г-жа Яблочкина?

„Новая редакція“ имѣетъ, однако и свои преимущества. Такова вторая картина третьяго акта—засѣданіе Конвента—которой въ прежнихъ постановкахъ не было. Картина поставлена отлично, а „чистая перемѣна“ даже волшебна по своей быстротѣ. Зала погружается на минуту въ мракъ, и слышенъ только пронзительный звонъ колокола да шумъ и крикъ многочисленной толпы. Когда свѣтъ зажигается—предъ нами зала „Pas Perdus“, съ трибунами, множествомъ народа и бурной картиной засѣданія. Г. Левашевъ-президентъ отлично звонилъ и хорошо велъ засѣданіе. Ораторы, за исключеніемъ опытнаго актера г. Тихомирова, въ лицѣ гг. Хворостова и Степанова, недостаточно освоились съ ораторской манерой, и потому выдыхались къ концу рѣчей, когда, между тѣмъ, требовалось особенное наростаніе эффектовъ. Тѣмъ не менѣе, засѣданіе Конвента оставляетъ сильное впечатлѣніе, и изъ за этой единственно картины стоитъ посмотрѣть разокъ „Термидоръ“.

Homo novus.

„Исторія одного увлеченія“.

Авторъ этой пьесы—лицо, совершенно неизвѣстное публикѣ. Это дебютантъ, и я полагаю, что къ г. І. Радзивиловичу и слѣдуетъ отнестись, какъ къ дебютанту. Я не стану его упрекать ни въ длиннотахъ, ни въ неловкостяхъ, что французы называютъ „gaucheries“, ни въ нѣкоторой сбивчивости характеристикъ. Ровность, выдержка, законченность формы даются большимъ трудомъ и большой сноровкой, и кто начинаетъ съ техническаго совершенства, едва ли пойдетъ дальше того, что онъ есть.



«Термидоръ» (Бурное засѣданіе, набр. съ 3-го яруса)

«Исторія одного увлеченія».

(Рис. А. Р—ва).

Въ г. Радзивиловичѣ есть главное: дарованіе. Въ чемъ оно выражается? Я не съумѣю въ точности на это отвѣтить. Да прежде всего, если хотите, въ выборѣ такой простой, такой несложной темы, какъ исторія увлеченія женщины, пережившей свои лучшіе годы, молодымъ человѣкомъ. Это—столь банальный, столь старый сюжетъ, что нужна именно нѣкоторая безсознательная смѣлость дарованія, чувствующаго предъ собою живые художественные образы, для того, чтобы взяться за него. Во вторыхъ, у г. Радзивиловича попадаются такія тонко-задуманныя и столь-же тонко очерченныя лица, которыя, будучи совершенно эпизодическими, даютъ, тѣмъ не менѣе, извѣстный колоритъ пьесѣ, сообщая, выражаясь языкомъ живописцевъ, настроеніе пятну. Таковы супруги Теничи. Въ третьихъ, пьеса написана хорошимъ языкомъ, иногда яркимъ и остроумнымъ. Въ четвертыхъ, у г. Радзивиловича есть безспорное чутье жизненной правды. Я считаю въ этомъ отношеніи вторую картину четвертаго акта прямо талантливой. Измученная женщина дѣлаетъ безумную попытку разстроить бракъ своего любовника и является въ домъ невѣсты просить за своего „жениха“. Затѣмъ уходитъ домой и дожидается его прихода. Онъ является, и дико, грубо, безстыдно осыпаетъ ее упреками. На всѣ ея ласки, на ея привѣтъ, на протянутыя съ мольбою руки онъ ничего не находитъ, кромѣ сжатыхъ кулаковъ и перекошеннаго лица, и наконецъ, съ остервѣненіемъ бросаетъ ее о полъ. Какая грубая и въ то же время искренняя правда!..

Женскіе типы удались автору гораздо больше мужскихъ. Потухающая молодость героини, вызывающая, „полу-дѣвственная“ смѣлость барышни Тулубовой, и счастливая размягченная пріятельница героини, находившаяся тоже въ нелегальномъ сожительствѣ, но завершившая бракомъ—всѣ эти фигуры очерчены жизненно, умно и интересно. Мужскія роли—слабѣе. Герой недостаточно уясненъ авторомъ. Въ первомъ актѣ его можно принять просто за глупаго краснваго мальчика. Но постепенно въ немъ открываются и безсердечіе, и пошлый карьеризмъ и даже нѣкоторыя черты M r Alphonse'a. Это немножко грубо сдѣлано и эволюція характера героя у автора совершается черезъчуръ быстро и стремительно. Финансовый дѣлецъ Тулубовъ—безсодержателенъ. Это—не лицо и не характеръ, а условный персонажъ, какихъ много у г. Крылова, у г. Мясницкаго, и въ водевиляхъ, и во всякихъ иныхъ сценическихъ представленіяхъ. Наконецъ, есть еще одна фигура „стараго друга“ героини, Мерязева. Это—лицо, очевидно, французскаго происхожденія. Я это говорю не въ укоръ г. Радзивиловичу, потому что умно заимствовать не бѣда, и лучше умно заимствовать, чѣмъ глупо перетаскивать. Но Мерязевъ—недоразвитъ, и положенія, въ которыя авторъ его ставитъ, не отличаются ни характерностью, ни драматизмомъ, ни красотою. Пьеса заканчивается „чистой перемѣной“. Послѣ бурной сцены съ любовникомъ, героиня дѣлаетъ мертвую паузу, которую г-жа Савина играетъ такъ, какъ она только одна это умѣетъ, и на сценѣ водворяется полный мракъ. Когда снова зажигается огонь, мы въ той же комнатѣ: занавѣски, отдѣляющія гостиную отъ столовой, раздвигаются, и Елена Ивановна, укутанная въ платокъ, сидитъ за чайнымъ столомъ со своимъ другомъ Мерязевымъ. „Я словно отъ болѣзни оправилась, говоритъ она.—Ахъ, я такъ устала!..“ Я думаю, эта сцена много выиграла бы, если бы „старый другъ“ былъ опредѣленнѣе поставленъ въ пьесѣ.

Кстати, о концѣ. Онъ мнѣ нравился своею оригинальностью, и опять таки глубокою правдою, лишенною всякаго преувеличенія. Я слышалъ, впрочемъ, мнѣніе что слова „я словно оправилась отъ болѣзни“ Елена Ивановна говоритъ напрасно. Пожалуй, это лишняя фраза, и я искренно совѣтую автору урѣзать эти слова. Достаточно сказать: „я такъ устала“. Это будетъ легкій штрихъ импрессіониста и онъ очень пойдетъ ко всей картинѣ.

Г. Радзивиловичъ, очевидно находится подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго театра и мнѣ кажется, Дюма—его любимый писатель. Но если чутье меня не обманываетъ, и я не ошибся, признавъ дарованіе въ начинающемъ авторѣ,—то особенной бѣды здѣсь нѣтъ. Самостоятельность пріемовъ, замысла, наблюденій, способность схватывать бытовую обстановку—все это придетъ съ теченіемъ времени. Время и работа многому научатъ молодого автора, и ни водевильныхъ qui pro quo въ драматическихъ сценахъ (сцена Мерязева и Елены Ивановны), ни нероховатостей и „внезапностей“, которыхъ особенно много въ 1-й картинѣ 4 акта—больше не повторится. Проявится также съ большею силою правда быта и жизни, отступятъ на задній планъ les théses de la morale. Дарованія такъ рѣдки, такъ мучительно рѣдки въ наши дни, что искренно радуешься всякой „искрѣ Божіей“, какъ бы смутны, темны и неумѣлы были подробности.

Исполненіе пьесы было превосходное. Г-жа Савина превзошла себя въ драматическихъ мѣстахъ роли. Это—уже второй праздникъ въ нынѣшнемъ сезонѣ: „Клеймо“, во первыхъ, и „Исторія одного увлеченія“, во вторыхъ. Очень мило играла г жа Морева, мягко безъ подчеркиваній, въ тонѣ настоящей „высокой комедіи“. И г. Стравинская играла хорошо, только платье ей нужно надѣть другое въ 4 актѣ, болѣе строгое и характерное, да и о прическѣ подумать. И то и другое слишкомъ „commun“. Гг. Варламовъ и Ленскій старались оживить свои роли, въ чемъ преуспѣли, и за что авторъ долженъ быть имъ благодаренъ.

А К

Пьеса г. Радзивилловича вызвала самые разнорѣчивые толки, хотя большинство газетъ признаетъ въ авторѣ несомнѣнное дарованіе.

Послѣдніе акты новой пьесы г. І. Радзивилловича «Исторія одного увлеченія», пишутъ «Бирж. Вѣдомости»,—оставляютъ въ зрителѣ далеко не то впечатлѣніе, какое получается отъ первыхъ ея дѣйствій. Въ первой своей половинѣ живая, правдивая и въ извѣстной степени талантливая пьеса въ заключительной части строится по самому заурядн ѣйшему шаблону драматическихъ дѣлъ мастеровъ и возбуждаетъ въ зрителѣ довольно сильное чувство разочарованія. Въ пьесѣ есть положительно хорошія мѣста.

Въ такомъ же родѣ отзывъ „Нов. Времени“.

Авторъ пьесы г. І. Радзивилловичъ, кажется, еще новичекъ въ театральномъ дѣлѣ, но ему нельзя отказать въ умѣньи удачно выбирать основные мотивы и интересно развить ихъ.

„Петерб. Листокъ“ считаетъ пьесу „спеціальной ролью“, съ чѣмъ нельзя согласиться, однако.

Вся пьеса—сплошная и спеціальная роль для г жи Савиной. Г. Крылову лучше не придумать.

Тутъ есть все, чѣмъ сильна Марья Гавриловна,—кокетство въ первомъ актѣ, сентиментальность кошечки во второмъ, ревность въ третьемъ, холодное отчаяніе въ четвертомъ и... и нервы, нервы безъ конца.

Но особенное и, признаемся, совершенно непонятное озлобленіе высказываетъ рецензентъ „Новостей“. Рецензія полна такихъ сильныхъ выраженій, что можно усомниться въ безпристрастіи отзыва.

Новая пьеса репертуара образцоваго театра по своей пошлости, по своему литературному ничтожеству и сценической неуклюжести превосходитъ даже все, появившееся въ текущемъ сезонѣ.

Даже „Загадки жизни“ и „Соломонію и Елену“? Ого! Нѣсколько строками ниже, г. рецензентъ замѣчаетъ.

Оговорюсь, впрочемъ: быть можетъ, это мнѣ только показалось и собственное настроеніе было принято мною за настроеніе театральной залы.

Думается, это именно такъ. Это бываетъ. Еще Понрищинъ говорилъ, что когда Англія нюхаетъ табакъ—Франція чихаетъ...

ХРОНИКА

театра и искусства.

Ликвидація „Русскаго Драматическаго театра“ не обошлась, къ сожалѣнію, безъ крупнаго недоразумѣнія. Въ воскресенье, 6 декабря, артисты долженствовавшіе участвовать въ спектаклѣ вмѣстѣ съ Ив. Гильберъ, заявили, что отъ участія въ спектаклѣ отказываются, такъ какъ имъ стало извѣстно, что театръ, „обѣщанный“ имъ въ пользованіе вмѣсто неустойки, съ 15 декабря переходитъ къ г-жѣ Неметти, на основаніи соглашенія послѣдней съ г. Амфитеатровымъ. Заявленіе было подписано почти всѣми артистами, занятыми въ этомъ спектаклѣ. Русскій спектакль пришлось отмѣнить, и программа вечера состояла изъ удвоенной порціи шансонетокъ Гильберъ. Дѣло, однако, не ограничилось этимъ заявленіемъ, и въ двухъ-трехъ газетахъ появились письма артистовъ, заподписью г-жъ Вѣтчевой, Константиновой, Орской, гг. Максимова (режиссера), Басманова, Ховскаго-Ржевскаго и др., въ которыхъ названные артисты вызываютъ г. Амфитеатрова на судъ общественнаго мнѣнія и ставятъ ему въ вину, что многіе артисты выдали росписки въ неимѣніи претензій, разсчитывая на обѣщанную эксплуатацію театра, между тѣмъ какъ театръ переданъ г-жѣ Неметти, почему росписки должны быть признаны недѣйствительными. Одновременно съ этимъ сдѣлано заявленіе и въ Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества. Съ своей стороны г. Амфитеатровъ, не касаясь вопроса объ эксплуатаціи театра, письмомъ въ газетѣ „Народъ“ объясняетъ, что заявленіе артистовъ „успащено ложью“, и что „возражать на него постыдно“. Изъ дальнѣйшаго объясненія г. Амфитеатрова видно, что „несчастная антреприза“ его „въ концѣ“ разорила, и что большинство артистовъ не имѣетъ къ нему претензій „удовлетворившись жалованьемъ по 1 декабря“, и очевидно, отказавшись отъ причитающейся имъ неустойки.

Такова въ немногихъ словахъ эта исторія, повидимому, еще не сказавшая своего послѣдняго слова.

* * *

Какъ мы слышали, Совѣтъ Русскаго Театр. Общества, имѣетъ въ виду возбудить ходатайство о томъ, чтобы возникновеніе театральныхъ предпріятій было поставлено въ тѣсную зависимость отъ разрѣшенія Театральнаго Общества.

* * *

Какъ мы слышали Русское Театральное Общество ходатайствуетъ объ отпускѣ ему изъ средствъ государственнаго казначейства единовременнаго пособія. Ходатайству дано движеніе и въ настоящее время оно поступило для отзыва къ г. Министру финансовъ.

* * *

Для усиленія средствъ Русск. Т. О. послѣдовало, какъ намъ передаютъ, разрѣшеніе на устройство при участіи артистовъ Императорскихъ театровъ концерта и спектакля въ одну изъ субботъ нынѣшняго сезона. Концертъ состоится 2-го января въ залѣ Дворянскаго собранія. Что касается спектакля, то пока еще не выяснился его характеръ. Кромѣ того, въ тѣхъ же видахъ усиленія средствъ Общества, разрѣшено обычный ежегодный маскарадъ въ пользу Общества перенести изъ Александринскаго театра въ Маріинскій.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ доводитъ до свѣдѣнія публики, что въ теченіи Великаго поста 1899 г., съ 7 марта по 9 апрѣля, дань будетъ дирекціею рядъ оперныхъ спектаклей, въ который войдутъ слѣдующія оперы: «Аида» «Гугеноты», «Лоэнгринъ», «Тангейзеръ», «Тристанъ и Изольда», «Манонъ», «Фаустъ» и «Юдифь».

На гастроли, на это время, приглашены: Сопрано: г-жи Больска и Литвинъ; теноръ: гг. Коссира и Фюрстенбергъ, баритонъ г. Бланшаръ, басъ г. Дельмасъ.

* * *

Какъ мы слышали, г-жа Неметти намѣрена въ скоромъ времени выстроить громадный каменный театръ съ особенно устроенной, механической подвижной сценой, при которой представленіе можетъ идти совершенно безъ антрактовъ. Мѣсто уже пріобрѣтено г-жей Неметти вблизи Николаевскаго вокзала, какъ говорятъ, за 100,000 р. Такимъ образомъ, слухи о томъ, что предпріимчивая антрепренерша намѣрена „почить на лаврахъ“—совершенно неосновательны.

* * *

«Торгово-Промышленная Газета» сообщаетъ, что вопросъ о перестройкѣ Панаевскаго театра въ гостиницу рѣшенъ окончательно. Съ началомъ строительнаго сезона начнутся работы.

* * *

6-го декабря Всемилостивѣйше пожалованы ордена: св. Владиміра 4-йстепени—сверхштатному профессору с.-петербургской консерваторіи Фанъ-Арку; св. Станислава 2-й степени: ординарнымъ профессорамъ петербургской консерваторіи Лядову, Габелю, Галкину и Краснокутскому.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы:** *Театръ Корша.* „Дикарка“, поставленная въ бенефисъ г-жи Музиль-Бороздиной, прошла гладко. Недурно провели свои роли: Вари — бенефиціантка, Аннетьева — г. Константиновъ, Вершинскаго — г. Чинаровъ и Малькова—г. Константиновъ. Г-жѣ Музиль-Бороздиной поднесли подарки. Слѣдующій бенефисъ г. Вязовскаго— „Домашній столъ“ Мясницкаго. 18 декабря для бенефиса г. Трубецкаго ставится „Новый міръ“; на постановки дѣлаются большія затраты.

Художественно - общедоступный театръ. „Счастье Греты“, благодаря слабому исполненію г-жи Роксановой главной роли, успѣха не имѣла. Для роли Греты требуется исполнительница съ большимъ драматическимъ талантомъ. „Трактирщица“ прошла недурно. Успѣхъ имѣли г-жа Книпперъ и г. Станиславскій. Ближайшая новинка—„Чайка“ А. П. Чехова.

Русская частная опера. 7 декабря съ огромнымъ успѣхомъ при совершенно полномъ театрѣ прошелъ „Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго. Борисъ Годуновъ—г. Шаляпинъ.

Дмитрій Самозванецъ — г. Секаръ-Рожанскій и Марина — г-жа Селюкъ заслуживаютъ самой искренней похвалы. Оркестръ и хоры шли блестяще подъ управленіемъ г. Труффи. Готовится къ постановкѣ „Орлеанская дѣва“.

Зимній театръ Буффъ. Бенефисы г. Шиллинга—„Соломенная вдовушка“ и г. Эсне—„Жирафле-Жирофля“ прошли прекрасно. Сборы были хорошіе и бенефиціантамъ поднесли по нѣсколько цѣнныхъ подарковъ.

Интернаціональный театръ. „Продавщица универсальнаго магазина“ продолжаетъ дѣлать хорошіе сборы. Бенефисъ г-жи Милютиной—„Адская любовь“ прошелъ недурно. Бенефиціанткѣ поднесли подарки.

Зимній театръ Акваріумъ. Дѣла малорусской труппы г. Кропивницкаго идутъ прилично. Успѣхомъ пользуются—самъ Кропивницкій, Манько, Куліабко-Разсудовъ, Загорскій и г-жи Боярская и Ратмирова. *Москвичъ.*

* * *

Намъ пишутъ изъ **Николаева**. Вслѣдствіе «force-majeure'a», юбилей 30-лѣтія артистической дѣятельности Е. А. Яблочкиной, предполагавшійся 24-го ноября, могъ состояться только 1-го декабря. Была поставлена комедія Ѳедотова «Хрущевскіе помѣщики» съ г-жей Яблочкиной въ роли Глаши. При первомъ выходѣ юбиляршу встрѣтили продолжительными аплодисментами и поднесли букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ «отъ признательныхъ антрепренеровъ», а съ галлереи посыпались разноцвѣтные листочки съ надписью: «Звѣзда русской сцены!» 1868—1898.

Послѣ 3-го акта при открытомъ занавѣсѣ на сцену собрались всѣ артисты и поднесли юбиляршѣ серебряныя пальмовыя вѣтви, при чемъ антрепренеръ г. Ляровъ произнесъ привѣтственную рѣчь. Затѣмъ другимъ антрепренеромъ г. Ивановскимъ былъ прочитанъ адресъ отъ публики, поданный вмѣстѣ съ чайнымъ сервизомъ изъ мельхіора. Адресъ былъ покрытъ множествомъ подписей.

Растроганная юбиляршa на эти привѣтствія отвѣчала благодарностью собравшимся товарищамъ, причемъ, вспоминая прошлое, отмѣтила, какъ иногда публика, «этотъ капризный ребенокъ», не цѣнитъ и не понимаетъ громаднаго труда актера при созданіи извѣстнаго характера.

Въ заключеніе чевствованія г. Ивановскій прочелъ присланныя на имя юбиляршi телеграммы. Ихъ было 17: изъ Петербурга — отъ Императорской драматической труппы, отъ театра петербургскаго городскаго попечительства. Русскаго театральнсго Общества, отъ А. и М. Читау, отъ Натаровой, Чистяковой и А. Дюжиковой, отъ Павлова и Мельниковой; изъ Москвы: отъ Яблочкиной, Музиль, и управляющаго театральнымъ бюро – Фадѣева; изъ Одессы отъ театра народной аудиторіи и опереточной труппы Артемьева; отъ драматическихъ труппъ—Харьковской, Ростовской (на Дону), Новочеркасской, Иркутской и отъ г-жи Пивоваровой изъ Самары.

Г. Далматовъ въ роли Свенгалли.
(Рис. И. Левашева)

Е. Я. Недѣлинъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кіева. 16-го декабря исполнится двадцатипятилѣтіе сценической дѣятельности одного изъ выдающихся представителей провинціальной сцены Е. Я. Недѣлина. По случаю юбилея состоится въ театрѣ Н. Н. Соловцева торжественный спектакль, причемъ юбиляръ выступитъ въ своей любимой роли Телятева въ комедіи Островскаго „Бѣшенныя деньги“.

Е. Я. 25 лѣтъ неустанно и честно работалъ, оставаясь образцовымъ артистомъ, для котораго красота и правда всегда были необходимыми началами творчества. Воспитанный на лучшихъ традиціяхъ русскаго театра, г. Недѣлинъ представляетъ рѣдкій типъ русскаго актера, съумѣвшаго на продолжительномъ пути своего служенія театру не растерять ни своего таланта, ни своихъ силъ.

Е. Я. Недѣлинъ (по сценѣ) родился въ 1850 году. Получивъ хорошее воспитаніе въ домѣ своихъ родителей—дворянъ Волынской губерніи, Е. Я. съ гимназическимъ образованіемъ, поступилъ въ одесское коммерческое училище. Благодаря основательному знанію новыхъ языковъ—въ особенности италіанскаго – Е. Я. сейчасъ же по окончаніи училища (въ 1871 г.) получилъ мѣсто въ Одесскомъ коммерческомъ банкѣ. Затѣмъ нѣкоторое время Е. Я. служилъ въ качествѣ помощника бухгалтера въ управѣ.

Е. Я. рано пристрастился къ сценѣ и часто выступалъ, какъ любитель, съ профессіональными артистами на сценѣ одесскаго театра; состоя членомъ „одесскаго общества изящныхъ искусствъ“, Е. Я. принималъ дѣятельное участіе въ спектакляхъ общества, которыми руководилъ извѣстный въ то время артистъ Самсоновъ.

Въ то же время Е. Я. бралъ уроки пѣнія у Руфа, а затѣмъ у Урбанскаго.

Лѣтомъ 1873 года Е. Я. концертируетъ уже, какъ пѣвецъ, по южно-бережнымъ городамъ, а осенью того же года вступаетъ въ труппу Козловскаго въ г. Новочеркасскѣ на 125 рубл. жалованья. Здѣсь онъ поетъ теноровыя партіи въ оперетках и играетъ роли любовниковъ въ комедіяхъ и драмахъ.

По семейнымъ обстоятельствамъ Е. Я. перекочевалъ въ Иркутскъ, гдѣ прослужилъ три зимнихъ сезона. Со служ-

бой въ Иркутскѣ, заявилъ намъ г. Недѣлинъ, связано у него много воспоминаній и впечатлѣній, такъ какъ въ свободное отъ службы время Е. Я. предпринималъ путешествіе по Китаю, концертировалъ въ Кяхтѣ, ѣздилъ въ Лямбургесъ. Въ сезонъ 1878—79 г. Е. Я. снова вступаетъ въ составъ одесской оперетки, въ 1879 г. первый разъ пріѣзжаетъ къ намъ въ Кіевъ къ Н. П. Савину и здѣсь въ качествѣ драматическаго и опернаго артиста вмѣстѣ съ г-жею Бѣльскою и гг. Родономъ и Стрѣлковымъ успѣлъ скоро заслужить вниманіе кіевской публики.

Въ 1881 году Е. Я. беретъ антрепризу въ г. Таганрогѣ, гдѣ ставитъ исключительно драматическіе спектакли. Благодаря таможенному краху (знаменитое Вальяновское дѣло) Е. Я. въ 1892 г. потерявъ нѣсколько тысячъ рублей, оставляетъ Таганрогъ. Послуживъ затѣмъ въ Саратовѣ и Ростовѣ, Е. Я. снова возвращается къ намъ въ Кіевъ. Впродолженіи двухъ сезоновъ 1884—1885 играетъ здѣсь съ большимъ успѣхомъ Шубина въ ком. „Надо разводиться“, Слетышева въ „Мертвой петлѣ“, Жоржа Гладищева въ „Злобѣ дня“, и проч.; отъ времени до времени выступаетъ Е. Я. также въ операхъ.

Въ 1887 г. Е. Я. примыкаетъ къ харьковскому товариществу Бородая и съ этого же года становится исключительно *драматическимъ* артистомъ.

Четыре года службы въ Харьковѣ, гдѣ дѣло поставлено было серьезно, послужили для Е. Я. хорошей школой и упрочили за нимъ имя талантливаго драматическаго актера. Въ это время Е. Я. выступаетъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ для него ролей, изъ которыхъ особенно удаются ему Телятева въ „Бѣшеныхъ деньгахъ“, Поль Астье, „Борьба за существованіе“, „Донъ-Жуанъ“, Чацкій, а потомъ и Фамусовъ въ „Горе отъ ума“, Ихаревъ—„Игроки“, Агишинъ—„Женитьба Бѣлугина“, Фронтасьевъ — „Дармоѣдка“, „Ивановъ“ (Чехова), Пропорьевъ, Кречинскій, Петручіо—„Укрощеніе строптивой“ и проч.

Въ 1891 году Е. Я. Недѣлинъ—вмѣстѣ съ П. И. Соловцовымъ и Т. А. Чужбиновымъ—является однимъ изъ учредителей кіевскаго товарищества (въ театрѣ Бергонье), причемъ выступаетъ здѣсь пять сезоновъ подрядъ. За это время репертуаръ его ролей обогатился новыми. Е. Я. впервые у насъ играетъ Звѣздинцева—„Плоды просвѣщенія“, „Гувернера“, князя Чембарскаго — „Первая муха“, Наполеона—„M-me Сапъ-Жень“.

„Чтобъ освѣжиться самому и дать роздыхъ публикѣ“ — такъ говорилъ Е. Я. онъ вступилъ на два года въ товарищество г. Бородая (Казань—Саратовъ). Здѣсь Е. Я. приготовилъ нѣсколько новыхъ ролей, изъ которыхъ можно отмѣтить Свенгали — „Трильби“, кардинала Мазарини — „Молодость Людовика“, Бухарова — „Разтромъ“, герцога Альбу—„Ризоръ“, доктора Астрова—„Дяди Вани“. Какъ извѣстно — Е. Я. пользовался въ Казани и Саратовѣ неизмѣннымъ успѣхомъ.

Кіевляне съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили своего любимца, вступившаго снова въ труппу П. И. Соловцова. Двухлѣтній „роздыхъ“ былъ для Кіева слишкомъ продолжителенъ; „старый знакомый“ намъ всѣмъ тѣмъ дорогъ, что онъ постоянно новъ, что талантъ его свѣжъ и неизлекаемъ.

Кіевская публика дѣятельно готовится почтить славнаго юбиляра. *Р—ичъ.*

* * *

Надняхъ скончался одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской живописи и покровитель русской школы П. М. Третьяковъ. Въ „Рус. Вѣд.“ по поводу этой кончины находимъ слѣдующія строки:

«Своей галлереей Павелъ Михайловичъ создалъ себѣ прочный и достойный памятникъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этой галлереѣ должно быть навсегда присвоено названіе «Третьяковской». Но Москва, художники, любители искусствъ, все русское общество должны сдѣлать нѣчто большее для почтенія его памяти. Его бюстъ долженъ украшать созданную имъ галлерею; должны быть основаны стипендіи и преміи его имени для поощренія русскихъ художниковъ и разработки исторіи русскаго искусства; необходимо подумать о способахъ продолженія того дѣла собиранія, которому посвятилъ себя Павелъ Михайловичъ. Это будетъ лучшимъ выраженіемъ сочувствія его дѣлу, почтенія его памяти, знакомъ того, что не напрасно трудился покойный, содѣйствуя нашему художественному развитію и внушая намъ своимъ примѣромъ завѣтъ—любить и цѣнить русское искусство».

* * *

На-дняхъ въ г. Владимірѣ скончался 42 лѣтъ отъ роду небезызвѣстный провинціальный актеръ Августъ Августовичъ Кегель (по сценѣ Королевъ), болѣе 20 лѣтъ подвизавшійся на различныхъ провинціальныхъ сценахъ.

Покойный А. А. Кегель-Королевъ сценическую свою карьеру началъ въ Москвѣ на любительскихъ спектаклях, будучи чиновникомъ московскаго телеграфа. Въ 1886 г. былъ приглашенъ извѣстнымъ антрепренеромъ А. Л. Разсказовымъ въ Калугу, гдѣ сразу занялъ амплуа драматическаго резонера, которое съ честью несъ болѣе десяти лѣтъ на разныхъ провинціальныхъ сценахъ. Онъ послѣднее время страдалъ душевнымъ недугомъ, который и свелъ его въ могилу во Владимірѣ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ земскую лечебницу прошлою весною. Это былъ безусловно честный человѣкъ и талантливый актеръ. Итакъ новый некрологъ и новая жертва пагубной страсти.

* * *

А. Г. Контскій далъ 7-го декабря свой второй концертъ въ залѣ городского кредитнаго общества. Публика собралась на этотъ разъ въ громадномъ количествѣ, такъ что почти всѣ мѣста оказались занятыми. Успѣхъ концертантъ имѣлъ такой же большой, какъ и въ первомъ своемъ концертѣ, а извѣстное его сочиненіе „Reveil du lion“ вызвало, въ его исполненіи, такую бурю восторговъ, какой мы давно не были свидѣтелями. Шумныя оваціи выпали на долю маститаго піаниста и послѣ мастерски исполненной имъ собственной сонаты и послѣ блестяще сыгранной фантазіи на „Фауста“ На слѣдующей недѣлѣ г. Контскій, по желанію публики, даетъ третій концертъ въ Петербургѣ.

* * *

Второй концертъ юной піанистки Паулы Шалитъ снова доставилъ громадное удовольствіе собравшимся не въ слишкомъ большомъ числѣ поклонителямъ. Концертантка составила программу не обширную, но несомнѣнно интересную. Первое отдѣленіе состояло изъ As—dur'ной сонаты Бетховена и трехъ пьесъ Шопена, второе заключало въ себѣ двѣ пьески Грига, „Вечернюю звѣзду“ изъ „Тангейзера“ Вагнера-Листа и Impromptu Рейнгольда. Наибольшее впечатлѣніе произвели въ исполненіи малолѣтней артистки варіаціи изъ бетховенской сонаты, сыгранныя какъ нельзя болѣе въ стилѣ сочиненія, F—moll'ный ноктюрнъ, исполненный необыкновенно поэтично и художественно „Norwenisher Brautzug“ Грига, въ передачѣ котораго исполнительница поразила слушателей разнообразіемъ оттѣнковъ, „Вечерняя звѣзда“ Вагнера-Листа, гдѣ артистка извлекла изъ рояля чисто-оркестровые звуки и, наконецъ, „Impromptu“ Рейнгольда, гдѣ слушатель становился втупикъ передъ блестящею техникой юной піанистки и особенно передъ ея необыкновенно развитымъ чувствомъ ритма. Выдающееся композиторское дарованіе Паулы Шалитъ обнаружилось въ сыгранныхъ ею сверхъ программы impromptu и мазуркѣ ея сочиненія, очень понравившихся публикѣ. Остается только пожелать, чтобы громадный успѣхъ не вскружилъ голову малолѣтней концертанткѣ и чтобы она продолжала слѣдовать по пути совершенствованія, ибо пути этому нѣтъ границъ.

Z. Z.

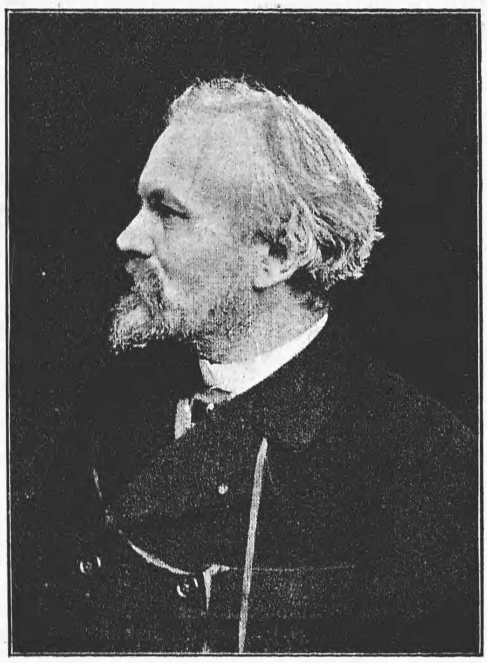
* * *

О г. Орленевѣ говорятъ очень много. Какъ отзвукъ этого, позволимъ себѣ сказать, радостнаго настроенія общества, помѣщаемъ присланное намъ и посвященное даровитому артисту стихотвореніе.

Театръ застылъ, нѣмой и удивленный,
Прикованъ слухъ, не вѣрится глазамъ
И чудится: за рампой освѣщенной—
Нежданное творится диво тамъ!
Среди знакомыхъ лицъ—Ирины, Годунова,
Ивана Шуйскаго,—предъ чуткою толпой
Внезапно выросталъ, невѣдомый и новый,
Не жалкій насыпокъ величія земного,—
Но кто-то чудный и иной...
Приниженный звонарь подъ шапкой Мономаха,
Казалося, стряхнувъ классическій обманъ,
Лучами чистыми любви и Божья страха
Трехвѣковой пронизывалъ туманъ...
Кто воплощенъ тобою въ ликѣ этомъ—
Стоитъ вопросъ въ пытливой головѣ:
Вѣнчанный ли варягъ послѣдній на Москвѣ
Иль миоъ прекрасный, созданный поэтомъ?..
Но тронутой душѣ холодный споръ къ чему же—
Ты въ творчествѣ свободенъ былъ и смѣлъ,—
И насъ согрѣть, въ житейской нашей стужѣ,
Небеснымъ пламенемъ съумѣлъ! *Конст. Ивановъ.*

* * *

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее сообщеніе: «С.-Петербургскій Попечительный Комитетъ о сестрахъ милосердія Краснаго Креста выпустилъ въ продажу, въ пользу сооружаемой имъ больницы въ память *Императора Александра III-го*, открытыя письма и карточки по рисункамъ художниковъ: Елиз. Бемъ, М. Виллье, Э. Вивеля, К. Маковскаго, В. Овсянникова, И. Рѣпина, Елены Самокишъ-Судковской и Соломко и конверты для карточекъ и писемъ, вмѣсто праздничныхъ



Жюль Леметръ.

визитовъ, по рисункамъ г-жъ Е. Самокишъ-Судковской и В. Шнейдеръ. Карточки исполнены въ картографическомъ заведеніи А. Ильина съ такимъ изяществомъ, что отнюдь не уступятъ самымъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ этого рода. Русскіе художники, отозвавшіеся весьма сочувственно на доброе дѣло помощи ближнему, дали вещи и новыя, и очень интересныя. Надо надѣяться, что карточки найдутъ широкое распространеніе. Кромѣ открытыхъ писемъ, есть карточки въ конвертахъ съ пословицей и отдѣльные конверты для визитныхъ карточекъ. Продаются карточки въ Попечительномъ Комитетѣ о сестрахъ милосердія Краснаго Креста и въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ; въ Москвѣ: у Аванцо, Даціаро, Мюра и Мерилиза и Н. Печковской.

* * *

Отъ управляющаго балаковскою общественною библіотекою мы получили слѣдующее письмо:

Нельзя ли черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала вызвать издателя журналовъ «Театралъ» и «Читатель» на объясненіе съ ихъ подписчиками, т. е. попросить ихъ откровенно заявить, думаютъ ли они съ ними разсчитаться, когда и какимъ способомъ? Наша библіотека была въ числѣ подписчиковъ на оба журнала, т. е. на «Театралъ» и «Читатель» и уплатила полностью годовую подписку въ размѣрѣ 14 р., но за эти деньги по сіе время получила только 14 книгъ «Театрала» и 17 книгъ «Читателя», вмѣсто обѣщанныхъ 50 каждаго журнала. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я сдѣлалъ запросъ редакціи и получилъ отъ нея такой отвѣтъ: «Слѣдующіе №№ вы получите черезъ мѣсяцъ. Запоздали по независящимъ обстоятельствамъ. Книги при первой возможности получите немедленно» (?!).

Однако вотъ уже прошло болѣе мѣсяца, а между тѣмъ ни одной книги ни того ни другого журнала мы не получили. Надо полагать что оба они прекратились и значитъ наши денежки должны пропасть.

Извѣстное дѣло, что съ этимъ уже ничего не подѣлаешь, тутъ только дѣло совѣсти издателя, но въ данномъ то случаѣ хотѣлось бы уже опредѣленно знать: дѣйствительно ли журналы прекратились и денежки наши значитъ пропали, или еще можно разсчитывать, если уже не на полученіе журналовъ, то хотя на возвратъ денегъ. Можетъ быть вамъ, г. редакторъ самому извѣстно, въ какомъ положеніи находится это дѣло, такъ вы тогда дайте намъ отвѣтъ, если же неизвѣстно, то напечатайте нашъ запросъ, авось редакція на него откликнется.

О судьбѣ, положеніи и планахъ названныхъ журналовъ намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Скажемъ болѣе, мы этихъ апокрифическихъ изданій никогда не получали и мало ими интересовались.

* * *

Театральные маскарады. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ у насъ, въ Маріинскомъ театрѣ, ежегодно устраиваются театральные маскарады. Что, въ сущности говоря, побуждаетъ дирекцію устраивать эти маскарады,—угадать трудно. Но ни матеріальный разсчетъ, ни задачи художественнаго развлеченія ими не достигаются. Сборы отъ этихъ маскарадовъ на столько не велики, что говорить о нихъ не приходится. Программа же развлеченій на этихъ маскарадахъ въ высшей степени узка и монотонна. Единственнымъ развлеченіемъ на этихъ маскарадахъ служатъ никому ненужные танцы, да и они, кстати сказать, никогда не клеятся и, во всякомъ случаѣ, оживленнаго характера не имѣютъ. Такая ограниченность программы прежде всего представляется удивительною потому, что художественныя средства дирекціи слишкомъ велики и разнообразны, и она легко могла бы придать этимъ маскарадамъ извѣстный художественный интересъ. Въ наше время не много найдется такихъ любителей маскарадной тоски, которые охотно будутъ платить по 4 руб. за входной билетъ и по 30 руб. за ложу за безцѣльное броженіе по зрительному залу, за удовольствіе видѣть, какъ три или четыри пары, въ костюмахъ изъ табачныхъ лавочекъ, изъ-подъ палки танцуютъ польку или выкидываютъ „колѣнца“ въ шестой фигурѣ кадрили. Если бы дирекція включила въ программу маскарадовъ какой-либо дивертисментъ или хотя бы живыя картины, то можно было бы съ увѣренностью сказать, что и сборы бы поднялись и интересу было бы больше.

Н. Ф.

* * *

На сценѣ Михайловскаго театра, въ субботу, 5-го декабря, шла комедія Ж. Леметра „L'aînée“. Мы объ ней говорили, довольно подробно, когда она шла въ Парижѣ. Пьеса очень умна, очень интересна и ставитъ вопросъ съ большою ясностью. Пьеса разыграна была нашими французскими артистами очень хорошо. Замѣтимъ, кстати, что существуетъ хорошій русскій переводъ, предположенный къ постановкѣ на одной изъ любительскихъ петербургскихъ сценъ.

* * *

Въ печати, по поводу случая съ г. Фигеромъ, о которомъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ, дѣятельно обсуждается вопросъ: „достойно-ли званія артиста вступать въ пререканія съ публикой, со сцены, во время хода пьесы“?

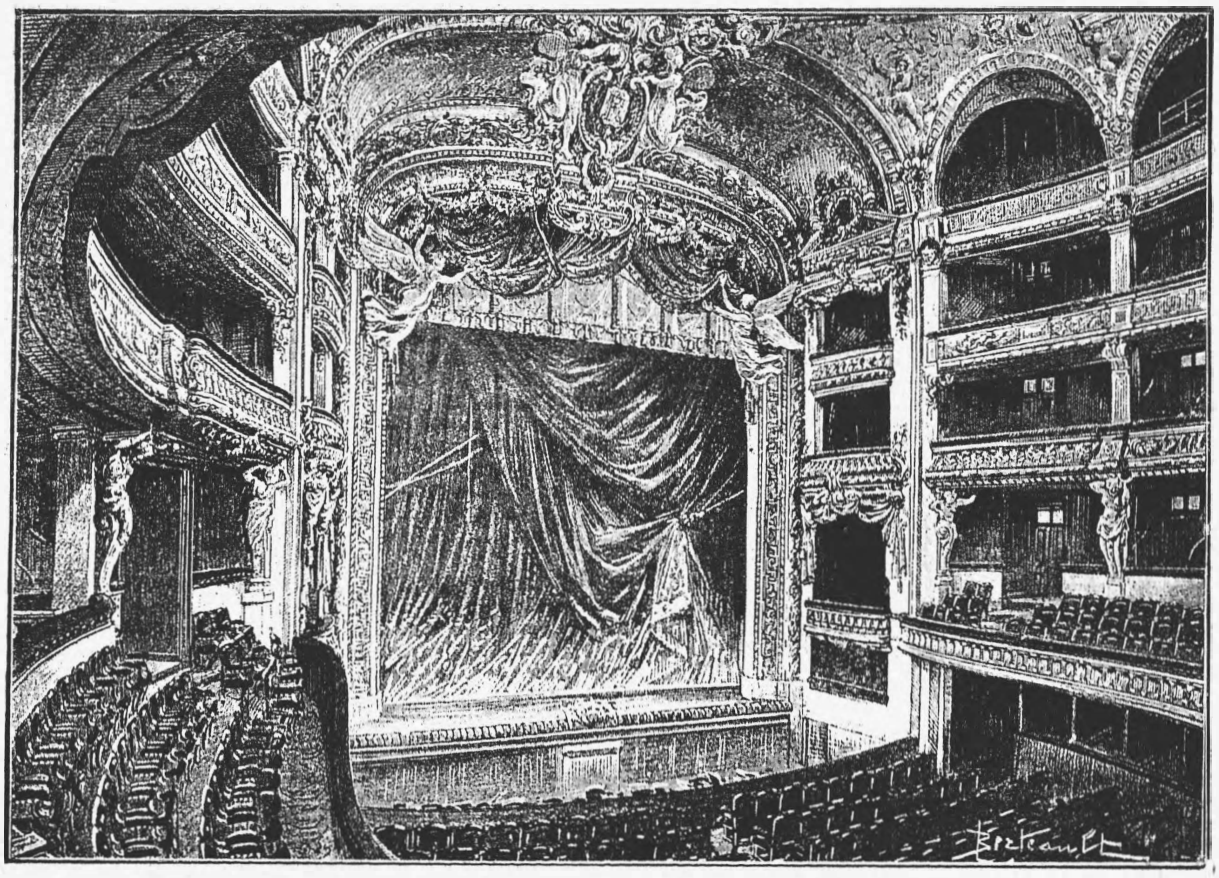
Думается, что если для сохраненія цѣлости иллюзіи почти во всѣхъ театрахъ запрещены выходы артистовъ во время дѣйствія на вызовы публики, то едва ли могутъ способствовать этой цѣльности добровольныя „вставки“ и „обращенія“ къ публикѣ гг. артистовъ со сцены. Кто можетъ поручиться, что артистъ, сегодня слезно умолявшій публику „чтобы ему не шикали“, не станетъ завтра просить „чтобы ему больше апплодировали“, „поднесли вѣночекъ“ и т. д., и т. д. до откровенныхъ признаній артиста, что у него нѣтъ голоса. Всему свое время и мѣсто. Жаль, что до уразумѣнія такой простой вещи у насъ не доросли еще нѣкоторые дѣятели сцены...

* * *

„СНѢГУРОЧКА“.

(Къ возобновленію).

Г-жа Мравина, (въ роли Снѣгурочки).



Зрительный залъ въ новомъ театрѣ парижской «Комической Оперы».

Артистъ балетной труппы г. Горскій откомандированъ въ Москву для постановки на мѣстной сценѣ балета П. И. Чайковскаго «Спящая красавица». Для этого балета заказана вся новая обстановка. Балетъ будетъ поставленъ такъ, какъ онъ шелъ на петербургской сценѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ рисунковъ танцевъ, поставленныхъ нашимъ главнымъ балетмейстеромъ М. И. Петипа. Въ роли Сванильды на московской сценѣ выступитъ г-жа Рославлева.

* * *

Гастроли Цаккони закончились во вторникъ, 7-го декабря, „Гамлетомъ“. На одномъ изъ послѣднихъ спектаклей (бенефисномъ) италіанскій артистъ сыгралъ еще одну пьесу русскаго репертуара: „Сюрпризъ“ О. П. Нотовича. Этотъ драматическій этюдъ, въ свое время поставленный на Александринской сценѣ, въ исполненіи италіанскаго артиста произвелъ яркое впечатлѣніе. Г. Цаккони съумѣлъ совершенно оригинально разработать эту роль и выдѣлить нѣкоторыя интересныя детали, стушеванныя въ передачѣ русскаго исполнителя.

* * *

Въ Воскресенье 13 декабря, состоится оперное представленіе учащихся въ спб. консерваторіи въ пользу кассы Общества для вспомоществованія учащимся въ спб. консерваторіи. Представлено будетъ: 1-й и 2-й акты въ 4-хъ картинахъ оперы «Всѣ таковы» («Cosi fan tutte») музыка Моцарта. Начало въ 8 час. вечера.

* * *

Интересное судебное дѣло затѣяла, по порученію мужа, жена Владиміра Мержвинскаго. Рѣчь идетъ о привлеченіи къ отвѣтственности нѣмецкихъ газетъ за вымышленные извѣстія и цѣлый рядъ разсказовъ, роняющихъ репутацію извѣстнаго тенора. Мержвинскій страдаетъ ревматическими болями въ ногахъ и если онѣ утихнутъ, выступитъ въ январѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ двухъ благотворительныхъ концертахъ, устраиваемыхъ М. И. Долиной.

* * *

Въ Ростовѣ-на-Дону „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“ былъ снятъ съ репертуара послѣ перваго-же представленія „по желанію публики“, признавшей пьесу безсодержательной и унижающей достоинство серьезной драматической сцены.

Говорятъ, этотъ «Suffrage Universel» поставленъ въ Ростовѣ, какъ постоянно дѣйствующее учрежденіе.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Д. Ратгауза.

Эти пѣсни свои я ужъ гдѣ-то слыхалъ,
Но не знаю я—гдѣ и когда.
Свѣтъ мнѣ чуждой зари надо мной догоралъ,
За звѣздой зажигалась звѣзда.

—

Кто-то близокъ мнѣ былъ, кто-то былъ мнѣ такъ милъ,
Кто-то шелъ неразлучно со мной,
И кого-то я странной любовью любилъ,
Съ кѣмъ-то жизнью дышалъ я одной.

—

Кто-то пѣсни мнѣ эти задумчиво пѣлъ,
И кому-то я жадно внималъ,
Ничего не искалъ, ничего не хотѣлъ,
Въ морѣ свѣтлыхъ отрадъ утопалъ.

—

Разлучилъ насъ нежданно какой-то хаосъ,—
Мы другъ другу теперь далеки,—
И меня онъ на скучную землю унесъ,
Для борьбы, для труда, для тоски.

—

И теперь для тебя, я родная, собралъ
Для тебя, моей ночи звѣзда,
Эти пѣсни, что гдѣ-то уже я слыхалъ,
Но не знаю я, гдѣ и когда...

Д. Ратгаузъ.

Театральный папаша.

(*Продолженіе* *).

Въ одно прекрасное утро, подсчитавъ при помощи своего „личнаго секретаря“ оставшіеся у него деньги, онъ слегка похолодѣлъ: оказалось всего-навсего десятокъ тысячъ франковъ. На это, конечно, и „догорать“ не представлялось ни малѣйшей возможности, но секретарь очень любезно напомнилъ своему патрону, что хорошенькая вилла, въ которой обитаетъ теперь mademoiselle Lucie, въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, представляетъ изъ себя довольно значительную цѣнность и полную собственность господина Ордынцева. Это напоминаніе значительно ободрило Ипполита Васильевича. Виллу можно было продать minimum тысячъ за пятьдесятъ франковъ — деньги, положимъ, не Богъ вѣсть какія, но все-таки на „щи, да кашу“ хватитъ. Пригласили коммисіонера и поручили ему продать виллу наискорѣйшимъ образомъ; затѣмъ оповѣстили всѣхъ добрыхъ друзей, что Ипполитъ Васильевичъ проситъ ихъ пожаловать на прощальный пикникъ. Мѣстомъ сбора была назначена квартира прекрасной мексиканки, т. е. продаваемая, но еще не проданная вилла.

Прощанье было веселое и обильное, поглотившее у отъѣзжавшаго хорошую половину остававшихся у него десяти тысячъ. Когда Ипполита Васильевича спрашивали, зачѣмъ онъ ѣдетъ на родину, онъ довольно спокойно, даже весело отвѣчалъ: „умирать!“ Этому, конечно, не вѣрили, а о разореньѣ его никто не зналъ, потому что „личный секретарь“ былъ человѣкъ преданный и умѣлъ хорошо хранить тайны своего патрона. За роскошнымъ ужиномъ кто-то изъ добрыхъ друзей задалъ Ипполиту Васильевичу вдругъ неожиданный и очень щекотливый вопросъ: какъ думаетъ онъ распорядиться съ этимъ милымъ домикомъ, въ которомъ они теперь такъ весело прощаются со своимъ амфитріономъ. Ордынцевъ слегка замялся, стыдясь сознаться, что онъ вынужденъ продать его.

— Вотъ вопросъ! воскликнулъ на это другой добрый другъ.—Конечно, не такой джентльменъ, какимъ мы привыкли видѣть m-r Ордынцева, рѣшится разорить чье либо гнѣздышко... Птичка, вѣроятно, можетъ быть покойна: ее не спугнутъ отсюда.

Поднялись шумныя восклицанія. Всѣ привѣтствовали широкое сердце настоящаго русскаго барина. Запѣнились бокалы, начались поздравленія. Lucie даже прослезилась слегка и бросилась на шею своему „доброму медвѣженку“.

Конечно, Ипполиту Васильевичу не оставалось ничего больше, какъ подтвердить, что онъ даритъ эту виллу той, которая вносила столько жизни въ его усталую старческую душу.

У красивой мексиканки оказался тоже свой „личный секретарь“, и онъ на другой же день необычайно энергично обдѣлалъ всѣ формальности.

Уѣзжая изъ Парижа съ какими нибудь тремя уже тысячами франковъ, Ипполитъ Васильевичъ очень глупо улыбался, подавлялъ невольные вздохи и всѣми силами старался не думать о завтрашнемъ днѣ.

Въ Вѣнѣ онъ столкнулся съ однимъ такимъ же, какъ и онъ, промотавшимся баріномъ, и черезъ недѣлю отъ трехъ тысячъ франковъ оставался только билетъ второго уже класса до Одессы, да какая-то мелочь.

Пріѣхавъ въ Одессу, Ипполитъ Васильевичъ занялъ небольшой номеръ въ лучшей, впрочемъ, гостинницѣ, спросилъ себѣ бутылку содовой воды и началъ думать, но все-таки не о завтрашнемъ, а уже о сегодняшнемъ днѣ. Грустно ходилъ онъ взадъ и впередъ по узенькой комнаткѣ и довольно сомнительно посматривалъ на ввинченный въ потолкѣ крюкъ. Одно очень характерное явленіе въ его жизни пришло ему въ эти минуты на мысль: онъ ни разу еще, ни при какихъ обстоятельствахъ и ни у кого не занималъ денегъ. Не представлялось ни малѣйшей надобности. Насталъ моментъ, когда онъ охотно бы нарушилъ, такъ сказать, дѣвственность этого положенія, но... увы! не представлялось ни малѣйшей возможности: не было ни одной души, къ которой онъ могъ бы обратиться хоть за пятью рублями. Въ Россіи у него знакомыхъ почти не имѣлось совсѣмъ, а если и былъ кое-кто, то онъ не зналъ ихъ адресовъ. Если написать въ Парижъ, то онъ настолько хорошо зналъ своихъ заграничныхъ „добрыхъ друзей“, что не рѣшился бы даже потратиться на почтовыя марки. Жена! но гдѣ она—эта жена? Да и съ какой стати обращаться къ ней, вѣдь между ними уже давно все покончено... Положеніе несомнѣнно безвыходное, а тутъ еще крюкъ въ потолкѣ такъ назойливо привлекаетъ его вниманіе.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. День былъ пасмурный и вѣтренный, мелкая пыль кружилась по мостовой. Пѣшеходы шли съ хмурыми и недовольными лицами. На противоположной панели топтались какихъ-то два еврея, неистово жестикулируя и встряхивая своими пейсами. Очевидно, они спорили о чемъ-то. „Вѣроятно, о деньгахъ!“ подумалъ Ипполитъ Васильевичъ и повернулся на звукъ скрипнувшей двери.

Въ номеръ вошелъ корридорный и подалъ ему визитную карточку. „Иванъ Львовичъ Лоскутный“— прочиталъ Ордынцевъ и, недоумѣвая, посмотрѣлъ на корридорнаго. Кто такой Лоскутный? Онъ положительно не помнилъ такой фамиліи.

— Театръ здѣсь содержитъ, пояснилъ корридорный, понявъ взглядъ Ордынцева.

— А! И Ипполитъ Васильевичъ вдругъ вспомнилъ маленькаго и кругленькаго антрепренерчика, заѣхав-

*) См. №№ 46, 47, 48 и 49.

шаго лѣтъ пять назадъ въ Парижъ съ цѣлой труппой русскихъ драматическихъ артистовъ и попавшаго въ самое безвыходное положеніе вслѣдствіе скверныхъ сборовъ. Ордынцевъ щедрой рукой помогалъ тогда своимъ соотечественникамъ, и они, благословляя его и клянясь въ вѣчной преданности, покинули негостепріимно встрѣтившую ихъ Францію.

— Просить! просить! какъ-то обрадованно даже распорядился Ордынцевъ, словно ему казалось, что вмѣстѣ съ этимъ вѣчно сіяющимъ импрессаріо лучъ солнца ворвется и въ его унылый нумерокъ. Лоскутный не заставилъ себя долго ждать.

— Ипполитъ Васильевичъ! патетически воскликнулъ онъ, переступая порогъ и горячо потрясая протянутую ему руку.—А я, знаете, случайно увидалъ вашу фамилію на доскѣ въ швейцарской и подумалъ—да неужели это тотъ Ордынцевъ, тотъ нашъ незабвенный Ипполитъ Васильевичъ, который, можно сказать, спасъ когда-то меня изъ мертвой петли .. восторженно ворковалъ Лоскутный, умиленными глазами всматриваясь въ нѣсколько сконфуженнаго Ордынцева. Но, по мѣрѣ того, какъ глазки зоркаго импрессаріо чаще и чаще перебѣгали отъ лица стоявшаго передъ нимъ старика къ окружавшей ихъ довольно скромной обстановкѣ, восторженный тонъ его становился все неувѣреннѣе и неувѣреннѣе и перешелъ, наконецъ, уже въ совсѣмъ грустный и разочарованный.

— Такъ, стало быть, все пропало, кромѣ чести! уныло проговорилъ антрепренеръ, постигая настоящее положеніе Ордынцева.

— Все! печально улыбаясь, подтвердилъ тотъ.

— Скверная штука! Ну, да *мы* васъ не выдадимъ! обмолвился сгоряча Лоскутный и не разъ, вѣроятно, потомъ въ этомъ раскаялся...

Съ этого дня Ипполитъ Васильевичъ окончательно попалъ на иждивеніе труппы Лоскутнаго.

— Что-жъ такое! острилъ иногда комикъ Дубровинъ:—вѣдь бываютъ же у военныхъ „дочери полковъ“, отчего же и актерамъ не завести „театральнаго папашу“.

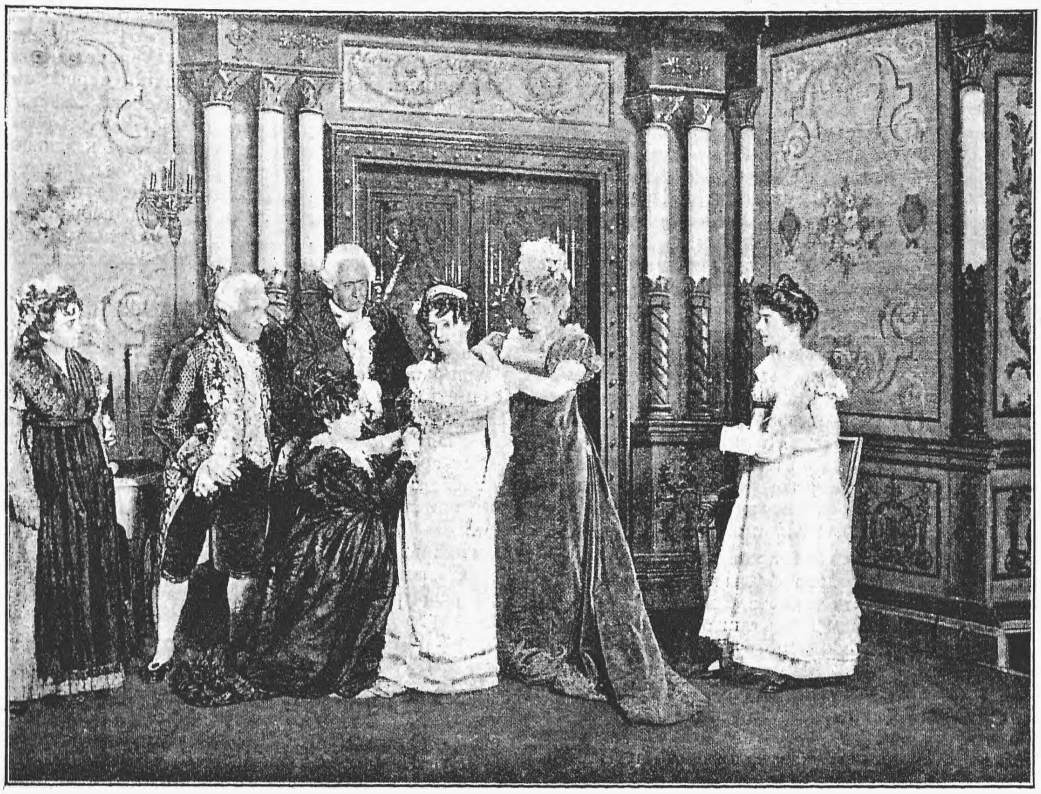
Изъ Одессы труппа Лоскутнаго перекочевала въ N-скъ; перекочевалъ съ ней и Ипполитъ Васильевичъ. Актеры обращались со старикомъ снисходительно-вѣжливо. Иванъ Львовичъ отводилъ ему комнатку въ своей квартирѣ, питалъ его, чѣмъ Богъ пошлетъ, и за его представительную наружность и громкую фамилію разрѣшалъ пользоваться свободнымъ креслomъ въ партерѣ, причемъ ему даже рекомендовалось садиться въ первый рядъ: въ первомъ ряду чаще оставались непроданныя мѣста, да и вообще—„виду больше“. Артистки любили прогуливаться съ нимъ по театральному садику—во-первыхъ, потому, что Ордынцевъ умѣлъ ходить подъ руку съ дамой, какъ никто; а во-вторыхъ, было замѣчено, что въ этихъ случаяхъ поклонники настойчивѣе и горячѣе преслѣдовали ихъ своимъ вниманіемъ.

Со своею участью Ипполитъ Васильевичъ примирился довольно легко и какъ-то незамѣтно перешелъ изъ амфитріоновъ въ приживальщики. Немало, конечно, способствовало этому и то обстоятельство, что атмосфера, охватившая его въ новой жизни, имѣла много общаго съ тѣмъ, къ чему онъ такъ привыкъ: тѣ же бульварно-театральныя нравы, то же обиліе молодыхъ женщинъ въ откровенно-опереточныхъ костюмахъ, тѣ же кутежи и безсонныя ночи въ клубахъ и кабакахъ, тѣ же мотивы въ оркестрѣ и недвусмысленные анекдоты въ интимномъ кружкѣ... Конечно, все это въ крайне полинявшемъ видѣ, зачастую даже жалко и убого, но, въ сущности, все-таки то же самое. И, наконецъ, опять таки являлась самая широкая возможность не думать о завтрашнемъ днѣ! а это главное...

Было бы несправедливо сказать, что Ордынцевъ проводилъ все свое время въ полномъ ничегонедѣланьѣ. Нѣтъ, напротивъ, онъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы быть хоть чѣмъ нибудь полезнымъ пріютившимъ его людямъ: такъ, онъ сочинялъ для нихъ неважные куплетцы на злобы дня, дѣлалъ имъ разныя указанія по постановкѣ нѣкоторыхъ пьесъ, видѣнныхъ имъ въ Парижѣ, и переводилъ даже цѣлыя оперетки. За нѣкоторыя большія работы случалось, что ему выдавали маленькій гонораръ. Онъ обыкновенно сначала усиленно отказывался отъ него, потомъ соглашался и принималъ. Получивъ деньги, Ипполитъ Васильевичъ на нѣкоторое время впадалъ въ безпокойство: онъ положительно не зналъ, какъ распорядиться съ этими двадцатью—двадцатью пятью рублями. Но это продолжалось не долго: купивъ себѣ флакончикъ духовъ, свѣжія перчатки и сдѣлавъ небольшой запасъ табаку, на остальныя онъ устраивалъ пиръ. Пригласивъ въ какой нибудь ресторанчикъ средней руки человѣкъ пять актеровъ побѣднѣе, онъ заказывалъ скромный ужинъ и принимался угощать эту голодную братію. Нужно было видѣть, съ какой разумной улыбкой, съ какой ловкой, мастерской манерой подливалъ онъ въ ихъ стаканы дешевенькое мѣстное винцо. Со стороны можно было, пожалуй, подумать, что тутъ происходитъ настоящій лукулловъ пиръ, что изысканнѣйшія явства всѣхъ странъ свѣта имѣютъ своихъ представителей за этимъ скромнымъ столикомъ, что сокъ благороднѣйшихъ лозъ міра струится здѣсь изъ-подъ руки опытнаго виночерпія... Кончались эти пиры обыкновенно печально: подвыпившіе гости начинали сначала подсмѣиваться, а потомъ и просто глумиться надъ своимъ амфитріономъ, и Ипполитъ Васильевичъ, обиженный и оскорбленный, удалялся въ свою каморку и въ продолженіе нѣсколькихъ дней даже совсѣмъ не показывался въ театрѣ... Но потомъ все забывалось, и онъ снова появлялся за кулисами и занималъ пустое кресло въ первомъ ряду. Актрисы обращались съ нимъ лучше. Онѣ нерѣдко приглашали его къ себѣ на чашку чая, предупреждая, впрочемъ, что послѣ такого-то часа онъ долженъ уходить, потому что имъ всегда почему-то представлялась крайняя необходимость поговорить объ очень важномъ и серьезномъ дѣлѣ съ какимъ нибудь „гостемъ изъ публики“, встрѣчавшимся обыкновенно съ Ордынцевымъ на этихъ „чашкахъ чаю“. И Ипполитъ Васильевичъ покорно удалялся,—онъ хорошо зналъ эти важные и серьезные разговоры: вѣдь и самъ онъ еще не такъ давно былъ такимъ же „гостемъ изъ публики“.

Влад. Тихоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



«Colinette».

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Королевская опера въ Берлинѣ поставила на-дняхъ новую комическую оперу Вильгельма Кинцеля «Донъ-Кихотъ» въ трехъ актахъ. Имя Вильг. Кинцеля извѣстно уже музыкальному міру, по крайней мѣрѣ нѣмецкому, какъ автора оперы «Evangelimann» пріобрѣвшей въ короткое время большую популярность. Музыка «Донъ-Кихота» легка и мелодична, хотя иногда композиторъ впадаетъ въ слишкомъ легкій жанръ полекъ и вальсовъ; зато либретто далеко не удовлетворительно. Едва ли вообще «Донъ-Кихотъ» укладывается въ драматическую форму. Исторія Донъ Кихота это прежде всего эпопея и въ эпическомъ спокойствіи Сервантеса — глубина произведенія. Но либреттистъ, по обычаю всѣхъ либреттистовъ, прибавилъ въ великое произведеніе своего духа, измѣнилъ нѣкоторыя сцены, вставилъ отъ себя нѣсколько сценъ—въ результатѣ образъ Донъ-Кихота, рыцаря печальнаго образа въ этой передѣлкѣ не вызываетъ ни сожалѣнія, ни смѣха.

Послѣдняя новинка театра «Одеонъ» Colinette» оказалась очень слабою вещью даже съ точки зрѣнія французскаго зрителя, любителя всякихъ truc'овъ и сценическихъ фокусовъ. Автора пьесы Ленотръ и Мартэнъ довольно неумѣлые ученики Сарду, котораго они рабски копируютъ. «Colinette» сильно напоминаютъ «Санъ-Женъ» и по фабулѣ, имѣющей чисто анекдотическій характеръ, и по отдѣльнымъ сценамъ. Знаменитое переодѣваніе на сценѣ изъ «Санъ-Женъ» цѣликомъ перенесено въ новую пьесу, разница лишь въ томъ что Колинетта, героиня пьесы,— если вообще могутъ быть въ подобныхъ пьесахъ, лишенныхъ сценическаго движенія, герои— Колинетта одѣвается для придворнаго концерта, а не для пріема. Лучшая сцена въ 3-мъ актѣ «въ Тюльери», сцена Колинетты съ Людовикомъ XVIII напоминаетъ до мелочей соотвѣтствующую сцену разговора Наполеона и мадамъ Санъ-Женъ. Словомъ, мы имѣетъ передъ собою новую копію «Санъ-Женъ», по счету кажется 101-ю. Содержаніе пьесы заключается въ двухъ словахъ въ слѣдующемъ: Супругъ Колинетты пріютилъ у себя стараго друга бонапартиста, преслѣдуемаго правительствомъ Людовика XVIII. Хорошенькая Колинетта понравилась королю и ее приглашаютъ въ чтицы къ нему. Она пользуется случаемъ и выманиваетъ у присланнаго за ней генерала паспортъ для своего мужа, котораго-де надо удалить и вручаетъ его осужденному, и затѣмъ преспокойно отказывается отъ визита къ королю. Осужденный скрывается, а веселая парочка остается наединѣ и садится за столъ. Стучатъ въ двери именемъ короля. Это пришли за обыскомъ. У мужа Колинетты оставилъ бонапартистъ компрометирующія бумаги. О, ужасъ! что дѣлать? Супруги бѣгаютъ по комнатѣ, не зная, что сдѣлать, бросаются къ дверямъ, къ окну. Наконецъ, мужъ Колинетты ничего лучшаго не находитъ, какъ отдать женѣ пакетъ съ компрометирующими бумагами, вмѣсто того чтобы попросту бросить ихъ въ горящій каминъ! Но двери въ этотъ моментъ открываются. «Поздно», говоритъ офицеръ и уводитъ у хорошенькой Колинетты мужа. Ну, дальше, Колинетта является къ Людовику XVIII, происходитъ нѣсколько фокусовъ, переодѣваній и другихъ невинныхъ подлоговъ, способныхъ провести развѣ дѣтей, и все кончается къ общему благополучію. Публикѣ, не особенно разборчивой и достаточно развращенной, тѣмъ не менѣе, пьеса нисколько не понравилась.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Послѣднюю корреспонденцію мы закончили отчетомъ о бенефисѣ г. Петипа, состоявшемся 10-го ноября. Съ этого времени по 23-е ноября поставлены были слѣдующія пьесы «Счастливецъ», «Спиритизмъ», «Кому весело живется», «Сирано-де-Бержеракъ», «Заяцъ» и «Игроки». «Сирано-де Бержеракъ», «Потонувшій колоколъ», «Макбетъ» (бенефисъ г. Шувалова), «Семейные разсчеты» и «Троглодитъ», «Старый закалъ», «Чадъ жизни», «Въ старые годы», «Ревизоръ», «Дама съ камеліями», «Каширская старина», а 23-го ноября «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» и «Лакомый кусочекъ» (бенефисъ Наумовскаго).

«Спиритизмъ», поставленный 12-го ноября въ первый разъ, прошелъ, какъ извѣстно, съ инцидентомъ, такъ какъ г-жа Днѣпрова, вслѣдствіе свистковъ по адресу пьесы, крикнула режиссеру опустить занавѣсъ, а сама со словами къ публикѣ «вотъ вамъ!» побѣдоносно ушла. «Спиритизмъ» прошелъ при пустомъ театрѣ и вслѣдствіе маленькаго скандала некому было дослушивать пьесу... Въ комедіи «Кому весело живется»

Крылова, отлично играли гг. Смирновъ (Отрадимцевъ) и Павленковъ (Покорковъ). Г-жа Петипа въ роли Викторины, была какой-то ворчливой буйной гувернанткой. Фарсъ Мясницкаго «Заяцъ», поставленный первый разъ въ этомъ сезонѣ съ благотворительной цѣлью, до того смѣшилъ публику, что артисты сочли въ этой суматохѣ болѣе удобнымъ не церемониться съ текстомъ. «Старый закалъ» (тоже въ первый разъ въ этомъ сезонѣ) нашелъ прекрасныхъ исполнителей въ лицѣ г-жъ Петипа и Строевой и гг. Шувалова, Смирнова и Бѣжина. Г. Павленкову слѣдовало бы поубавить пылкости и горячности.

17-го ноября состоялся бенефисъ г. Шувалова, поставившаго «Макбета». При всемъ нашемъ уваженіи къ таланту бенефиціанта, мы должны сказать, что г. Шуваловъ игралъ Макбета ощупью, нетвердо, безъ опредѣленнаго образа. Г-жѣ Строевой, въ роли леди Макбетъ, этому воплощенію зла и честолюбія, слѣдовало бы проявить больше, такъ сказать, героическаго деспотизма въ своихъ замыслахъ. Въ роли Макдуфа хорошъ былъ г. Строителевъ. Гримъ вѣдьмъ былъ гораздо выше ихъ исполненія. Режиссерская часть представляла не мало промаховъ. Бирмингамскій лѣсъ долженъ состоять не изъ 8 статистовъ съ вѣтками изъ зеленой бумаги. Такъ или иначе, но мы очень обязаны художественному вкусу и таланту г. Шувалова, познакомившаго насъ съ цѣлымъ рядомъ классическихъ произведеній. Артиста долго и горячо принимали, сборъ почти полный, были и цѣнные подарки.

24-го состоялся бенефисъ г. Наумовскаго, выбравшаго «Лакомый кусочекъ» и «Контролера спальныхъ вагоновъ». Въ «Контролерѣ» нѣтъ мысли, нѣтъ сюжета, за то цѣлый рядъ забавныхъ и невѣроятныхъ сценъ. Талантливаго артиста встрѣтили дождемъ билетиковъ съ соотвѣтствующими стихами, состряпанными на скорую руку. Театръ былъ переполненъ, спектакль шелъ съ аншлагомъ, г. Наумовскій получилъ два адреса, которые были прочитаны при открытомъ занавѣсѣ, и чтеніе заканчивалось тушемъ.

Въ адресахъ, между прочимъ, указывалось, что г. Наумовскій не брезгуетъ ролями и этимъ доказываетъ, что «для хорошаго артиста нѣтъ плохихъ ролей».

Такъ какъ въ нашей труппѣ имѣются артисты, которые служатъ уже цѣлыхъ 5 лѣтъ, то они сами рѣшили уйти... Г-жа Днѣпрова подписала контрактъ въ Кіевъ къ г. Соловцову, г-жи Петипа, Велизарій и гг. Петипа и Шуваловъ подписали въ Ростовъ. Г-жа Строева, какъ говорятъ, тоже рѣшила уйти.

Переговоры съ гг. Самойловымъ, Людвиговымъ и Мартыновой близятся къ концу.

Вотъ ужъ больше мѣсяца, какъ въ залѣ городской думы (въ лучшемъ зданіи города) каждое воскресенье даются концерты и спектакли для народа; цѣны на мѣста очень дешевыя, начиная съ 10 к., залъ, вмѣщающій около 2.000 человѣкъ, всегда переполненъ. Въ этихъ спектакляхъ принимаютъ участіе мѣстные, извѣстные харьковцамъ любители изъ музыкальнаго училища и изъ учащейся молодежи (драматическіе артисты). Справедливость требуетъ отмѣтить стройное исполненіе этими любителями «Безъ вины виноватые». Гг. Руккертъ (Незнамовъ) и Мишонъ (Шмака) оказались очень недурными исполнителями. Слабовата была въ роли Кручининой m-lle Хав... и г. Плисецъ... въ роли Миловзорова. Въ этихъ спектакляхъ принимаютъ иногда участіе и мѣстные артисты драматическаго театра, которыхъ «народъ» сопровождаетъ безконечными аплодисментами. *А. П. Б.*

САРАТОВЪ. 27-го ноября состоялся послѣдній драматическій спектакль и товарищество г. Бородая отправилось въ Казань. Въ среднемъ, на сторублевую марку товарищи получили около 60 руб.; болѣе доходная половина сезона, которую труппа проведетъ въ Казани, должна покрыть недоборъ до полной марки, какъ это и бывало въ прошлые года. Въ репертуаръ послѣднихъ двухъ недѣль вошли: «Семья преступника», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (2), «Ваалъ», «Измаилъ», «Горнозаводчикъ», «Зимняя сказка», «Сирано де-Бержерак». «Злая яма», «Въ родственныхъ объятіяхъ», «Дворянское гнѣздо», «Счастливецъ», «Степной богатырь» и нѣсколько водевилей. Почти всѣ сборы были очень крупные, особенно въ бенефисные спектакли. Старая пьеса Писемскаго «Ваалъ» возобновлена режиссеромъ г. Рюминымъ для своихъ «именинъ». Театръ былъ переполненъ; талантливому артисту и отличному режиссеру публика устроила шумную овацію и сдѣлала цѣнныя подношенія. Видимо, закулисный, тяжелый и важный трудъ режиссера начинаютъ признавать и въ провинціи; а въ частности у насъ, въ Саратовѣ, это случилось лишь съ водвореніемъ М. Ф. Рюмина. Прежде (по крайней мѣрѣ, послѣднія десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ пишущій настоящія строки состоитъ завсегдатаемъ театра) какъ-то казалось, что пьеса шла какъ-бы по своей волѣ, съ случайными колебаніями въ сторону успѣха и неуспѣха. Все зависѣло отъ талантливости актеровъ, игра которыхъ часто представлялась прекраснымъ отрывкомъ на безформенномъ и безалаберномъ фонѣ. Антуражъ страдалъ, связи не было, цѣлое отсутствовало. Со вступленіемъ г. Рюмина востановились права режиссера и то важное значеніе, какое приличествуетъ сему званію. Когда саратовцы говорятъ: наши труппа сильна ансамблемъ,—то это значитъ, что она имѣетъ прекраснаго предводителя и руководителя. Хорошо исполнялись не только первыя роли, а и вторыя, и третьи; главное же, все приведено въ соотвѣтствіе, постановкѣ дана жизнь. И, конечно, первое спасибо за это г. Рюмину. Совершенно полный сборъ сдѣлалъ и бенефисъ представителя товарищества г. Бородая, этого искусснаго и энергичнаго двигателя механизма въ казанско-саратовскомъ театральномъ дѣлѣ; разумѣется, вызовы, аплодисменты, подарки—все это было. Отмѣтимъ еще вторые бенефисы гг. Каширина, Соколовскаго и Агарева, собравшіе также многочисленную публику. Наконецъ, прощальный спектакль былъ, такъ сказать, сплошнымъ привѣтствіемъ по адресу почти всѣхъ артистовъ и ихъ представителя.

Безъ сомнѣнія, въ будущемъ году нѣкоторыхъ артистовъ мы не увидимъ: перемѣны, говорятъ, предстоятъ серьезныя. Есть слухъ, что не будутъ участвовать гг. Голубева, Агарева, Каширинъ, Рюминъ и Агаревъ. За достовѣрное можемъ сообщить о начатыхъ переговорахъ съ гг. Голубевой и Каширинымъ для весеннихъ гастролей въ народномъ театрѣ. Г. Каширинъ уже далъ согласіе и, дѣлаетъ честь уважаемому артисту, на весьма выгодныхъ для народнаго театра условіяхъ. Г-жа Голубева также принципіально согласилась, но время и условія еще не опредѣлены. Въ высшей степени пріятно отмѣтить эту готовность крупныхъ артистовъ послужить иной аудиторіи, «сѣрой массѣ»!

Съ воскресенья, 29 го ноября, начались оперные спектакли Въ репертуаръ предстоящей недѣли вошли: „Жизнь за Царя“ «Фаустъ», «Аида», «Русалка», «Риголетто», «Евгеній Онѣгинъ». Объ этихъ спектакляхъ — до слѣдующаго раза.

Постоянный.

КАЗАНЬ. Съ 6 по 26 ноября шли слѣдующія оперы: «Рогнѣда», «Русалка», «Жидовка», «Паяцы», «Дубровскій», «Травіатта», «Демонъ», «Паяцы», «Жизнь за Царя», «Жидовка», «Князь Игорь», «Пророкъ», «Фаустъ», «Аскольдова могила», «Русланъ и Людмила», въ первый и пока единственный разъ въ Казани — «Фераморъ» Рубинштейна, «Демонъ», «Аскольдова могила». Въ прощальные спектакли оперная товарищества, или отрывки изъ разныхъ оперъ.

Изъ числа обѣщанныхъ къ постановкѣ «новинокъ» оперная сезона, въ числѣ 5 оперъ, не шедшихъ ранѣе въ Казани, — не было поставлено ни одной!.. Только въ концѣ сезона поставленъ былъ «Фераморъ» Рубинштейна.

Пробудилось наконецъ отъ сна и «Казанское общество любителей изящныхъ искусствъ» и устраиваетъ теперь по субботамъ вечера, на которыхъ происходятъ: чтеніе, пѣніе и музыка. На вечерѣ 14 ноября былъ прочитанъ очеркъ жизни и дѣятельности Я. П. Полонскаго, 21 ноября въ вечерѣ «Общества» приняли участіе артисты оперная товарищества, а 28 ноября состоялось чтеніе, по ролямъ, комедіи «Сирано-де-Бержерак», которому предшествовалъ рефератъ о творцѣ пьесы Ростона и о его новомъ трудѣ — «Сирано-де-Бержерак».

«Казанско Саратовское товарищество драматическихъ артистовъ» открыло свою дѣятельность въ Казани съ пятницы, 27 ноября. Товарищеская труппа двигалась въ Казань изъ Саратова такъ сказать «эшелонами», т. е. небольшими партіями, а именно одна партія прибыла только въ день перваго же спектакля, около 4-хъ часовъ дня, вторая — долженствовавшая прибыть 28 ноября, прибыла только на другой день — около 11 час. утра, будучи задержена, почти цѣлые сутки, на станціи «Свіяжскъ», нашей, съ позволенія сказать,—«Московско-Казанской желѣзной дорогой», — по случаю того, что на сутки же была прекращена переправа черезъ Волгу. Наконецъ, третья и послѣдняя партія артистовъ прибыла въ Казань 30 ноября, а часть багажа артистовъ и разныя бутафорскія и иныя театральныя принадлежности не прибыли даже на 4 и 5 день спектаклей, такъ что совершилось едва-ли не впервые такое событіе какъ «извинительный» анонсъ со сцены театра 1-го декабря, что «вслѣдствіе задержки по переправѣ багажа, товарищество проситъ снисхожденія у публики за нѣкоторое несоотвѣтствіе костюмовъ!»... И дѣйствительно артистамъ, а въ особенности артисткамъ пришлось призадуматься, и поистратиться на шитье платья, и все же играть «въ несоотвѣтствующихъ» костюмахъ, собранныхъ чуть-ли не со всѣхъ концовъ города — такъ, напримѣръ, артисткѣ собирающейся «подъ вѣнецъ» быть не въ подвѣнечномъ платьѣ, свадебнымъ гостямъ не всѣмъ во фракахъ, а барынямъ чуть ли не въ платьяхъ прислуги!..

Вотъ ужъ никакъ не думалось намъ, чтобы пришлось когда-либо писать въ спеціально «театральный» журналъ, не объ искусствѣ, а о безпорядкахъ на желѣзной дорогѣ!..

Въ виду того, что часть товарищеской труппы еще играла въ Саратовѣ, когда другая часть уже ѣхала въ Казань — понятно, что «Товариществу» пришлось призадуматься надъ репертуаромъ первыхъ спектаклей и составить его не такъ какъ слѣдовало бы для «казанаго» событія — открытія спектаклей. Этимъ только мы и объясняемъ не совсѣмъ удачный выборъ пьесъ и то, что артистамъ нашей громадной по коли-

честву труппы приходилось играть въ одинъ спектакль по двѣ роли.

Открылись спектакли довольно архивной пьесой «*Мужъ знаменитости*».

Для второго спектакля, въ воскресенье, 29 ноября, товарищество поставило «Подъ гнетомъ утраты», драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи В. А. Крылова и «Семейные пороги» В. А. Дьяченко. Для третьяго спектакля были поставлены, въ понедѣльникъ, 30 ноября, «Злая яма» Фоломѣева и «Денежные тузы» Крюковскаго; для четвертаго—1-го декабря «Ивановъ» Чехова и «Вольная пташка» Карпова, наконецъ 2 декабря была поставлена «Честь», ком. Зудермана и «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», вод. гр. Соллогуба.

Казанцы встрѣтили сердечно своихъ прежнихъ любимцевъ артистокъ: Свободину-Барышеву, Агареву Инсарову, Шебуеву, Голубеву и др. и артистовъ: Агарева, Рюмина, Нежданова, Гарина, Каширина и др. Особенныя овація выпали на долю М. И. Свободиной Барышевой, которой, при самомъ выходѣ ея на сцену, былъ поданъ букетъ, и супруговъ Агаревыхъ. Да это и не удивительно: М. И. Свободина-Барышева играетъ на казанской сценѣ съ 1893 года, т. е. пятый уже сезонъ, и показала себя не только умной, развитой, много-работающей, но и талантливой исполнительницей самыхъ разнообразныхъ ролей. Репертуаръ ея громаденъ и разнообразенъ; сценическая опытность тоже. Однимъ словомъ, эта артистка всегда и всюду можетъ занимать почетнѣйшее мѣсто и составлять основу труппы.

Г. Агаревъ—артистъ «съ огонькомъ», онъ, видимо, работаетъ надъ ролями и стремится внести въ нихъ «свое» толкованіе. Г-жа Агарева-Инсарова — отличается простотой игры, дарованіе не яркое, но симпатичное. Въ «Злой ямѣ»—этой страшной драмѣ изъ русской жизни,—она даетъ мучительно-симпатичный образъ страдающей дѣвушки.

О другихъ «старыхъ знакомцахъ Казани» до другого раза, а теперь позвольте поговорить о двухъ новыхъ для нея артистахъ, несомнѣнно обратившихъ на себя всеобщее вниманіе.

Мы говоримъ о г-жѣ Немировой-Ральфъ и г. Соколовскомъ.

Немирова-Ральфъ собственно не новая для Казани артистка; она нова только, если можно такъ выразиться, для новой Казани. Г-жа Немирова-Ральфъ впервые появилась въ Казани въ сезонъ 1867—8 г.; она тогда только что вышла замужъ за извѣстнаго артиста Ральфа и, вмѣстѣ съ мужемъ, выступала на нашей сценѣ, въ драматическихъ роляхъ, какъ бытового, такъ и общаго репертуара. Успѣхъ она имѣла огромный. Во второй разъ г-жа Немирова-Ральфъ появилась на нашей сценѣ въ сезонъ 1872—3 года. Спустя тридцать лѣтъ послѣ перваго появленія на нашей сценѣ, г-жа Немирова-Ральфъ выступила передъ нами въ трехъ роляхъ: княгини Креженецкой, въ пьесѣ «Подъ гнетомъ утраты», княгини Вѣры Николаевны въ «Семейныхъ порогахъ» и въ роли барыни Павловой, въ «Злой ямѣ»; вся публика горячо привѣтствовала исполнительницу ролей старухъ, такъ же, какъ нѣкогда—молоденькую талантливую артистку.

Солидный успѣхъ имѣлъ и г. Соколовскій, нашъ новый резонеръ. Видно, что это умный, правдивый артистъ, чуждый всякой рисовки и шаржа.

Казанецъ.

ТИФЛИСЪ. Послѣ весенняго сезона труппы г. Корша и гастролей г. Петипа, въ театральной жизни Тифлиса наступило полное затишье. Обыкновенно лѣтомъ въ Тифлисѣ работаютъ весьма успѣшно кафе-шантаны, въ которыхъ веселится не только холостая публика, но зачастую и семейства. Кружокъ любителей, во главѣ съ тремя, четырьмя актерами задумалъ устроить лѣтомъ общедоступный театръ, съ хорошимъ репертуаромъ, преимущественно для народа и небогатой интеллигенціи. Благія начинанія, однако, не выдержали и мѣсяца. Было въ исполненіи и въ обстановкѣ не мало недочетовъ, но были и положительныя стороны. Изъ исполнителей выдѣлялась молодая артистка г-жа Сосницкая, несшая на себѣ всю тяжесть репертуара; она являлась, какъ и драматическая героиня, и какъ инженю-драматикъ, и даже инженю-комикъ. Кромѣ г-жи Сосницкой назовемъ еще опытнаго провинціальнаго артиста г. Каскалова—перваго любовника, г. Кобяковаго—риличнаго резонера, г. Славскаго — недурнаго комика.

Изъ пьесъ были поставлены: «Доходное мѣсто», «Грѣхъ да бѣда», «Гроза», «Не въ свои сани не садись», «Женитьба», «Степной богатырь», «Листья шелестятъ», «Темная сила» и еще нѣсколько пьесъ. Публика, въ особенности послѣднія мѣста, по 10 коп., предназначенныя для простого народа, были зачастую, въ особенности по воскресеньямъ, переполнены, партеръ нерѣдко пустовалъ, но въ общемъ дѣло могло бы продолжаться все лѣто, будь у товарищества матеріальная поддержка. Спектакли, въ помѣщеніи Авчальской столовой (народные), по 5 коп. за входъ тоже прекратились вслѣдствіе раздоровъ между членами-устроителями, и вотъ уже второй мѣсяцъ публика лишена этого здороваго развлеченія. Для аристократіи существуетъ въ Тифлисѣ артистическое общество, гдѣ разъ въ недѣлю даются любителями спектакли, но, къ сожалѣнію, они не могутъ удовлетворить самаго неприхотливаго цѣнителя. Въ репертуарѣ блещутъ: «Теплые ребята», «На хлѣбахъ изъ милости», «Оболтусы вѣтрогоны», «Друзья пріятели», собираются даже поставить «Корневильскіе колокола». Спектакли идутъ чуть ли не съ 2 хъ репетицій.

Кромѣ этихъ учрежденій есть въ Тифлисѣ грузинская труппа, хотя и небольшая, но составленная изъ хорошихъ актеровъ: г-жъ Месхи, Черкезовой и гг. Месхи Абашидзе, Свимонидзе и еще нѣсколькихъ человѣкъ на второстепенныя роли. Въ репертуарѣ оригинальныхъ пьесъ мало, все болѣе переводныя: «Свадьба Кречинскаго», «Надо разводиться», «Арказановы» и др. Готовится въ настоящее время «Горе отъ ума» на грузинскомъ языкѣ.

Армянской труппы нѣтъ, изрѣдка играютъ любители. Малорусская труппа т. Португалова, играющая въ театрѣ грузинскаго дворянства, обладаетъ хорошими силами, напримѣръ г-ми Пивинской, Азовской и гг. Марченко, Загорскимъ, Чубатымъ, но сборовъ не дѣлаетъ, Говорятъ, что малороссы надоѣли. Удивительнаго въ этомъ мало.

Театралъ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. Бенефисъ талантливой артистки г жи Саблиной-Дольской, не смотря на средній матеріальный успѣхъ, все же оказался болѣе удачнымъ, нежели бенефисный спектакль г. Тройницкаго, отравившій наглядно театральное настроеніе сезона. Плачевный сборъ, взятый артистомъ на такой интересной пьесѣ, какъ «Царь Борисъ» А. Толстого, и полное отсутствіе подъема среди исполнителей создали въ этотъ вечеръ какую-то гнетущую, тяжелую атмосферу въ зрительной залѣ. Эпидемія инфлуенцы, господствовавшая въ городѣ, казалось, проникла и въ театръ, окутавъ мглой все въ немъ живое. Самъ г. Тройницкій тихо говорилъ и тяжело дышалъ; видно, былъ боленъ; его настроеніе сообщилось и другимъ исполнителямъ, общее же исполненіе не осталось безъ вліянія на слушателей. Скучный, скучный спектакль! Гораздо интереснѣе прошелъ бенефисъ артиста г. Разсудова. Бенефиціантъ поставилъ свою собственную пьесу «Эпидемія» и водевиль «Левъ Гурычъ Синичкинъ» и какъ авторъ, и какъ исполнитель, имѣлъ успѣхъ. Мы смотрѣли драму г. Разсудова съ удовольствіемъ. Не сложная по фабулѣ, написанная легкимъ языкомъ, не утомляющая слушателя длиннотами, пьеса эта имѣетъ жизненное и правдивое содержаніе, хотя и написана на старую тему. Въ единичномъ случаѣ, а не въ эпидемической формѣ, какъ можно было бы ожидать по заглавію пьесы, авторъ изображаетъ женское кокетство и любовь къ флирту, какъ печальный продуктъ современнаго воспитанія, какъ глубокое зло, разбивающее жизнь хорошихъ людей. Молодая женщина, институтка, зараженная страстью къ кокетству, встрѣчается случайно съ красивымъ кавказскимъ офицеромъ сначала на курортѣ, а затѣмъ на маскарадѣ въ столицѣ и своимъ чарующимъ кокетствомъ зарождаетъ въ немъ серьезное чувство. По легкомыслію она внушаетъ ему надежды, хотя и находится уже въ замужествѣ. Онъ узнаетъ объ этомъ при посѣщеніи своего друга, мужа любимой имъ женщины, и въ бурной сценѣ осыпаетъ ее упреками за то, что она разбила его сердце. Онъ покидаетъ ее и отправляется за границу, но здѣсь черезъ 10 лѣтъ снова встрѣчаетъ все еще любимую имъ женщину въ ресторанѣ, на содержаніи у богатаго глупца, среди разгула и пошлыхъ пѣсенъ. Въ ужасѣ онъ останавливается передъ этой картиной разврата и, не будучи въ силахъ ни побороть своей любви, ни примириться съ паденіемъ этой женщины, теперь горячо любящей его, онъ убиваетъ ее и себя. Очень картинно, эффектно и интересно построенъ послѣдній актъ пьесы. Здѣсь контрастъ между разгуломъ опьяненной падшей женщины и безъисходнымъ горемъ честнаго и разбившаго всю свою жизнь человѣка производитъ впечатлѣніе глубоко трагическаго момента. Очень тепло играла свою роль г-жа Андросова. Въ началѣ роли это была молодая, красивая и изящная женщина, затѣмъ артистка тонко воспроизвела «самодовлѣющее» кокетство безъ всякихъ безнравственныхъ побужденій, и въ концѣ пьесы явилась предъ зрителемъ глубоко страдающей изъ за любви и паденія женщиной. Эта роль даетъ артисткѣ возможность обнаружить самыя лучшія стороны своего таланта. Остальные исполнители сдѣлали для ансамбля все, что могли. Водевиль былъ разыгранъ благодаря бенефиціанту очень живо и бойко. Артисту поднесли цѣнный подарокъ. Сборъ былъ порядочный.

Д—скій.

РЫБИНСКЪ. 1-го декабря въ нашемъ городскомъ зимнемъ театрѣ состоялся бенефисъ распорядителя и режиссера драматическаго товарищества Н. Е. Максимова. Для своихъ театральныхъ именинъ г. Максимовъ выбралъ старую пьесу Н. Потѣхина «Нищіе духомъ», Рыбинскъ еще не видалъ на своей сценѣ такого исполнителя роли Сиводушкина. Вообще этотъ артистъ за два года успѣлъ завоевывать симпатіи у нашей, довольно строгой, благодаря близости столицъ, публики. Публика устроила бенефиціанту шумный успѣхъ, поднесено было нѣсколько цѣнныхъ подарковъ, не обошлось и безъ рѣчей. Успѣхъ съ бенефиціантомъ дѣлили и другіе артисты. г-жа Астахова играла весьма недурно Кон...лерву

Г-жа Понятовская была превосходной генеральшей. Г-жа Побѣдова мило спѣла цыганскій романсъ подъ гитару въ четвертомъ дѣйствіи. Г. Васильевъ въ роли Карабанова былъ довольно типиченъ. Маленькій упрекъ артисту г. Мореву, игравшему Кудряева; г. Моревъ плохо зналъ роль и не рѣдко сбивался съ тона. Хорошъ былъ г. Соколовъ въ роли генерала Алекина. Остальные способствовали общему ансамблю. Вообще надо отдать справедливость распорядителю товарищества г. Максимову, онъ ведетъ свое дѣло умѣло и съ большимъ знаніемъ. Труппа составлена сильнѣе прошлогодней и посѣщается публикой довольно охотно.

ТУЛА. Въ воскресенье, 30 ноября, съ большимъ успѣхомъ прошла новая пьеса мѣстнаго автора г-жи Сѣверной «Никудышники» въ 4 д., изъ жизни фабричныхъ. Главныя роли были распредѣлены между г-жами Борисовой, Запольской, Гегеръ и Глазуновой, гг. Скуратовымъ, Томскимъ и Бѣлина-Бѣлиновичемъ. Пьеса написана литературно и сценично. Типы прямо выхвачены изъ жизни.

Къ постановкѣ намѣчены: «Слѣдователь», «Катастрофа», «Байбакъ», «Волшебная сказка»; для бенефиса П. Л. Скуратова предположенъ «Гамлетъ».

Списокъ безусловно дозволенныхъ къ представленію пьесъ.

(«Правит. Вѣстн.» 1898 г. № 268).

1) Антоновскіе милліоны. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. П. Вершинина. 2) Аполлонъ Бельведерскій. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. К. Мюле (Васильева). 3) Башкирскій домъ Генрихъ Штокъ и К°. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ (съ французскаго) Л. Л. Пальмскаго. 4) Бояринъ Нечай-Ногаевъ (Московская быль XVII вѣка). Драма въ пяти актахъ и шести картинахъ. Сочиненіе А. В. Арсеньева. 5) Бѣдный Макаръ (Неудачникъ) (Hans Huckebein). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ В. Д. Новицкаго. 6) Велосипедисты-любители. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. А. Третьякова. 7) Гейша или необычайное происшествіе въ одной японской чайной. Оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго А. Паули и Э. Ярона. 8) Горемычные. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Сочиненіе Е. Скворцовой-Левиной. 9) Два подростка. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Сочиненіе Пьера де-Курсель, переводъ съ французскаго Ф. Корша. 10) Двѣ судьбы. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ (въ 4 дѣйствіи 2 картины). Сочиненіе И. В. Шпажинскаго. 11) Дебютантка. Фарсъ въ одномъ дѣйствіи съ пѣніемъ (сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе В. К. Мюле (Васильева). 12) Древняя Москва (Басурманъ). Драма въ пяти дѣйствіяхъ (7-ми картинахъ). Сочиненіе П. И. Собольщикова-Самарина. 13) Жена подъ опекой. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ (Заимствовано). Сочиненіе Льва Иванова. 14) Замороженная тещa. Фарсъ въ одномъ дѣйствіи (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе А. Крюковскаго. 15) Игра въ любовь (Флиртъ). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Е. Бабецкаго. 16) Извозчикъ Геншель (Fuhrmann Henschel). Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Герхардта Гауптмана. Переводъ Н. Ф. Арбенина. 17) Изъ за Саши (O. Izoie). Шутка въ одномъ дѣйствіи Михаила Балуцкаго. Передѣл. для русской сцены А. М. Крамскимъ. 18) Кто побѣдитъ?! Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе І. Д. Рутковскаго. 19) Контролеръ спальныхъ вагоновъ (Le controleur des Wagons Lits). Комедія-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ А. Биссона. Переводъ съ французскаго Ф. А. Корша. 20) Любовь на крышѣ. Веселый фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. К. Травскаго. 21) Любовь у трона. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Д. Н. Бердарпаки. Передѣлка съ греческаго В. Протопова. 22) Материнская любовь или фальшивомонетчикъ. Драма въ шести дѣйствіяхъ. Пер. съ французскаго Л. Яковлевымъ. 23) Мать сыра-земля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Макса-Гальбе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Саблина. 24) Невидимая сила! Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе В. В. Билибина. 25) Отецъ взрослой дочери. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Рубенса Чинарова. 26) Передъ свадьбой (Такъ надо!). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Александры Веселовской. 27) Подвиги. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. В. Билибина. 28) Послѣдній гость. Пьеса въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Дельера. 29) Посмертная слава. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Передѣлка съ нѣмецкаго В. К. Мюле (Васильева). 30) Рабы золота. Пьеса въ четырехъ актахъ и пяти картинахъ. Сочиненіе Вл. Азова. Сюжетъ заимствованъ. 31) Сиротка-страдалица (Нина). Мелодрама въ трехъ актахъ. Сочиненіе В. К. Травскаго. 32) Славной Франціи сыны (Защитники роднаго знамени). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и девяти картинахъ. Передѣлка В. К. Травскаго и В. В. Протопопова. 33) Спиритизмъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Викторьена Сарду. Переводъ П. А. Лухмановой. 34) Страничка романа. Этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Л. А. Берникова. 35) Сумасшедшій. Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи К. И. Ванченко. 36) Урокъ танцевъ. Сцена въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе И. Гриневской. 37) Школьная пара. Картинка съ натуры въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Е. М. Бабецкаго.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Новоизобрѣтенный и привилегированный корсетъ

„ГИГІЕНА“

безъ бланшетъ и шнурованія.

Удостоенъ медалей на Н.-Новгородской и Кіевской выст. Одобренъ профессорами Кіевской, Вѣнской и Берлинской клиникъ. Отличается своей легкостью и эластичностью, дѣлаетъ фигуру правильной и стройной, не сдавливаетъ грудной клѣтки и не смѣщаетъ брюшныхъ и тазовыхъ органовъ. Удобенъ для всякаго сложенія, даже для беременныхъ и кормящихъ. Полезенъ для подростковъ.

Иногородніе заказы выполняются наложеннымъ платежомъ. Слѣдуетъ измѣрить сантиметромъ: 1) объемъ груди и спины вмѣстѣ, 2) спину отдѣльно, 3) объемъ таліи, 4) отъ подмышки и до таліи и 5) объемъ рукава.

Единственная фабрика для всей Россіи у *М-те* **Каролинъ** въ Одессѣ.

Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ при магаз. М-те **АННЕТЪ**. Невскій пр., д. 68, у Аничкова моста.

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.

ПУДРА ЮНОСТИ

КОСМЕТИКА **В. ЛИШЕ**

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

№ 1956(г.)

Коробка 75 коп. и 40 коп.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE!)

Драма **В. Сарду**. Переводъ **Н. Ѳ. Арбенина** (Пьеса *безусловно* разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала **„Театръ и Искусство“**, съ портретами исполнителей и рисунками съ декорацій при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПБ. Моховая, 45.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

III годъ (третій годъ изданія) III годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

Въ 1899 г. журналъ „Театръ и Искусство“ будетъ издаваться по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Наши постоянные читатели, безъ сомнѣнія, успѣли убѣдиться, что изданіе не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а совершенствуется по мѣрѣ силъ. Въ 1899 г. предположено: 1) обратить особое вниманіе на дальнѣйшее улучшеніе иллюстрацій и внѣшняго вида журнала, 2) увеличить количество пьесъ и нотныхъ приложеній, 3) выпуски словаря сценическихъ дѣятелей довести до буквы Д.

Путь нашего служенія задачамъ театра, литературы и искусства опредѣлился, надѣемся, съ достаточною ясностью. Наше слово всегда стремилось быть не только честнымъ, но и *серьезнымъ* словомъ. Этимъ стремленіямъ отдастъ справедливость всякій знающій насъ, а незнающему да поможетъ первый. Вотъ единственный способъ рекламы, который мы считаемъ дозволительнымъ, и который въ состояніи создать не только многолюдную, но и единомышленную аудиторію.

Въ 1897—98 гг. помѣщены были въ журналѣ произведенія слѣдующихъ лицъ:

Авсѣенко В. Г., Александрова Н. А., Амфитеатрова А. В., Арбенина Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бентовина, Б. И., Блейхмана Ю. И., Вейнберга П. И., Гнѣдича П. П., Далматова В. П., Дѣянова А. И., Карнѣева М. В. Карпова Е. П., Кнорозовскаго И. М., Коринфскаго А. А., Кояловича М. М., Кравченко Н. И., Кугеля, А. Р., Ленскаго Ал. П., Немировича-Данченко Вас. И., Немировича-Данченко Вл. Ив., Плещеева А. А. Потапенко И. Н., Преображенскаго В. П., Ростиславова А. А., проф. Сакетти Л. А., кн. Сумбатова А. И., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фоломѣева К. И., Фруга С. Г., Южнаго М. Г., Ясинскаго І. І., Гриневской И. А. и друг.

Статьи по общественнымъ вопросамъ и теоріи театра, искусствъ и литературы. Фельетоны. Критическіе этюды. Беллетристика. Обширныя корреспонденціи.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

1) 52 №№ журнала,

за годъ изящный томъ на хорошей бумагѣ около 1,000 страницъ, свыше 600 иллюстрацій и портретовъ.

2) нотныя приложенія,

3) 20 репертуарныхъ пьесъ, отдѣльными приложеніями, стоющихъ около 30 р.

Въ 1897—98 гг. даны, между прочимъ, слѣдующія пьесы, имѣвшія шумный успѣхъ:

„Трильби“, „Катастрофа“, „Наканунѣ“, „Влюбленная“, „Вѣра Иртеньева“, „Трудовой день“, „Облачко“, „Волшебная сказка“, „Джентльменъ“, „Золотая Ева“, „Спиритизмъ“, „Лизистрата“, „Юность“, „Сирано-де-Бержеракъ“, „Баба“, „Страничка романа“, „Урокъ танцевъ“ и т. д.

4) Отдѣльные выпуски по мѣрѣ накопленія матеріала,

„СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ СЦЕНЫ“,

куда войдутъ портреты, біографіи, характеристики артистовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, театральныхъ критиковъ и т. п.

Подписная цѣна за годъ со всѣми приложеніями съ доставкою . . . . 6 р.
„ „ „ полгода „ „ „ „ . . . . 4 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по 2 р. 1 го Марта 1 го Іюнь.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

Мастерская струнныхъ инструментовъ
В. В. ИВАНОВА.

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипокъ, альтовъ, віолончели, контрабасовъ, смычковъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандалинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—3)

Въ МИНСКѢ губ. *Въ МИНСКѢ губ.*

УСТРОЙСТВО КОНЦЕРТОВЪ

принимаетъ на себя вновь открытый музыкальный магазинъ

З. Б. ПРОТАСА.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Минскъ — Протасу.

Громадный выборъ **РОЯЛЕЙ, ПІАНИНО, НОТЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.** № 176 (6—6).

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсѣенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будищева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунѣ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Немвродова Ц. 50 к., „Мопсикъ“, шутка въ 1 д. В. Бентовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртеньева“, др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к. „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р. „Волшебная сказка“ Ц. 2 р. „Маріанна Ведель“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к. „Лизистрата“ Ѳ. Литерпера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“. М. Гальбе Ц. 1 р. 50 к., „Сирано-де-Бержеракъ“, Э. Ростана. Ц. 1 р. 50 к., „Невидимая сила“ Ц. 60 к. „Баба“ кн. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к. „Послѣдній Гость“. Ц. 60 к. „Сплетня“ г-жи Верховской. Ц. 1 р. 50 к. „Страничка романа“ эт. въ 1 д. Берниковъ. Ц. 60.

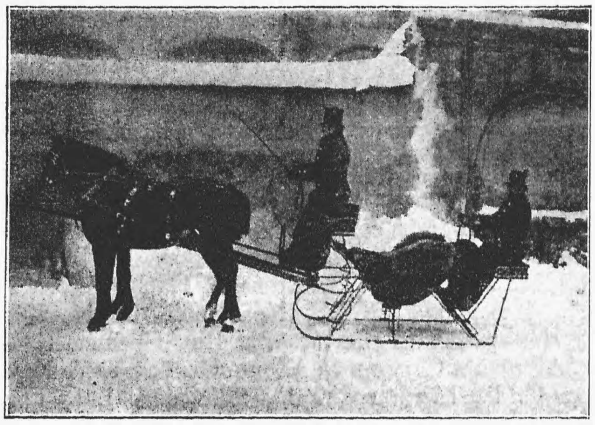
Иллюстрированный каталогъ костюмовъ и бутафарскихъ вещей Бр. А. и Л. Лейфертъ ц. 75 коп. „Графъ де-Ризооръ“ В. Сарду пер. Н. Арбенина, Иллюстр. изд. ц. 1 р 25 коп.

При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

Англо-русская торговая конюшня

Мойка № 12, близъ Пѣвческаго моста.

Телефонъ № 2340.



Отпускаетъ помѣсячно и на время чорныхъ и русскихъ лошадей пары и одиночки, разные нарядные экипажи, какъ-то: ландо, кареты, коляски, полуколяски, шарабаны, двухколески и сани. Экипажи съ электрическимъ освѣщеніемъ.

Ecurie Anglo-russe.

Moika 12, près du pont des chantres,

Telephon № 2340.

On loue par mois, et par journée, des chevaux Anglais et Russe ainsi que des équipages: landaux, coupés, calèches, victorias charabancs, cabriolets et traineaux.

Attelages de luxe Anglais et Russe

Equipages éclairés par électricité

Константинъ Карловичъ Андерсонъ.

Въ залѣ Городскаго Кредитнаго Общества

Въ Пятницу, 18-го Декабря 1898 года, въ 8 часовъ вечера,

КОНЦЕРТЪ

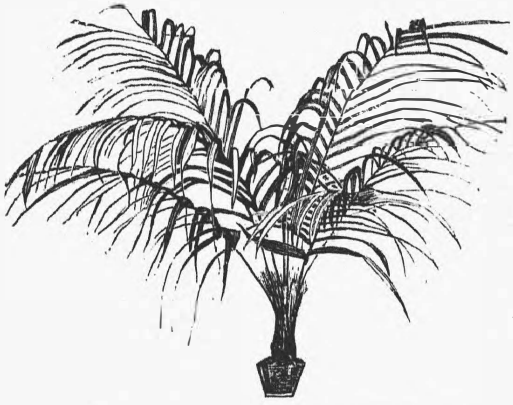
(CLAVIERABEND)

СОФІИ МЕНТЕРЪ

Рояль фабрики Я. БЕККЕРА

Нумерованные билеты по 6 р. 10 к., 5 р. 10 к., 4 р. 10 к., 3 р. 10 к., 2 р. 10 к., 1 р. 10 к., въ музыкальномъ магазинѣ А. Іогансена, Невскій пр., № 50, рядомъ съ Пассажемъ. № 211 (1—1).

Удостоены медали на художественной ремесленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ въ 1898 году.



Искусственныя

ПАЛЬМОВЫЯ РАСТЕНІЯ

изъ натуральныхъ листьевъ,

никогда не измѣняющіяся и не требующія за собою никакого ухода. Получена награда — медаль въ С.-Петербургѣ на художественно-ремесленной выставкѣ въ 1898 году.

Высылка въ провинцію, прейсъ-курантъ безплатно.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Караванная ул., № 8.

№ 207 (7—4).

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопатъ провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ **20 лѣтъ** и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его **несомнѣнную пользу волосамъ**. Элеопатъ пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ **„Складъ элеопата Кинуненъ.**

№ 212 (2—1)

Открытыя письма и карточки съ рисунками

ХУДОЖНИКОВЪ **Елиз. Бемъ, М. Вилліо, Э. Визель, Каразина, К. Маковскаго, В. Овсянникова, Рѣпина, Елены Самокишъ Судковской, Соломко и Варвары Шнейдеръ**

конверты „Краснаго Креста"

(ВМѢСТО ВИЗИТОВЪ)

въ пользу больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Продаются въ СПБ. Попечительномъ Комитетѣ о сестрахъ Краснаго Креста (Инженерная, 9) и въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ. (2—1)

НОВАЯ КНИГА

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга:

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. А. ТИХОНОВА.

„Разбитые кумиры".

Открытъ секретъ

играть на роялѣ и фисгармоніи, не зная нотъ. Книжка 20 коп. Пробн. ур. съ подробн. и перес. 50 к. (можно марками), а 4 легк. пѣсни 1 р. Наложеннымъ менѣе 1 р. не высылаю. Каталогъ пьесъ безплатно. Складъ изд. Спб. Вознесенск., д. 42. А. П. Поперековъ. № 202 (10—5).

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна **50** коп. **Остерегаться поддѣлокъ.** Требовать подпись **А. Энглундъ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 декабря 1898 г.

Типографія Г. Г. Шклявера, Фонтанка, 86.